

В. П. ЯКОВЛЕВ ГЕНЕРАЛ
П. УСТЮЖАНИН КРАВЧЕНКО

Южноуральцы — Герои Советского Союза

Annotation

Эта книга о бесстрашном летчике, талантливом командире, дважды Герое Советского Союза Григории Пантелеевиче Кравченко. Свою короткую, но яркую жизнь до последнего дыхания он отдал любимой отчизне, партии и народу. Именем Григория Кравченко названы улицы, школы, пионерские дружины в Москве, Кургане, в других городах и селах.

Авторы книги — бывший школьный учитель героя Василий Павлович Яковлев, неоднократно встречавшийся с ним в 30—40-х годах в Москве, и журналист Геннадий Павлович Устюжанин. В книге использованы документы и материалы музеев и Центрального государственного архива Советской армии, воспоминания родных и товарищей, газетные и журнальные публикации разных лет.

- **Генерал Кравченко**

- ☐
- ☐ **Детство. Школьные годы**
- ☐ **Военный летчик**
- ☐ **В небе Китая**
- ☐ **Летчик-испытатель**
- ☐ **Герои Халхин-Гола**
- ☐ **Фотографии**
- ☐ **Военачальник**
- ☐ **На фронтах Великой Отечественной**
- ☐ **Основные даты жизни и деятельности Г. П. Кравченко**

- **notes**

- ☐ **1**
- ☐ **2**
- ☐ **3**
- ☐ **4**
- ☐ **5**
- ☐ **6**
- ☐ **7**
- ☐ **8**
- ☐ **9**
- ☐ **10**
- ☐ **11**
- ☐ **12**
- ☐ **13**
- ☐ **14**
- ☐ **15**

- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21

Генерал Кравченко

В. П. ЯКОВЛЕВ, Г. П. УСТЮЖАНИН

ГЕНЕРАЛ КРАВЧЕНКО

Детство. Школьные годы

Григорий Пантелеевич Кравченко родился 10 октября 1912 года в селе Голубовка Днепропетровской области в семье бедного крестьянина Пантелея Никитича Кравченко. Под весну 1914 года дед Григория вместе с сыновьями Пантелеем, Павлом и Анисием в поисках лучшей доли оставил родной край и переселенческим поездом уехал в Семипалатинскую губернию. Как и многие малоземельные крестьяне Украины, они надеялись найти здесь лучшую жизнь. Поселились в деревне Пахомовка Федоровской волости Павлодарского уезда. Землицы и вправду нарежали «вволюшку». Степь широкая, паши да паши. А лошаденка одна. И плуг на три семьи один.

Не успели как следует обжиться, как грянула империалистическая война. Пантелея Никитича мобилизовали в армию. Заботы о семье свалились на плечи его жены Марии Михайловны. Дети мал мала меньше: Феде шел восьмой год, Ване — шестой, Грише — третий, а Федоту не было и года. Жили в постоянной нужде.

Октябрьская революция положила конец войне. Радостный вернулся домой Пантелей Никитич. Начиналась новая жизнь: власть теперь у трудовых людей.

Шел 1918 год. Тревожные дни переживала молодая Советская республика. В мае-июне в Сибири установилась кровавая диктатура Колчака. Беяки силой мобилизовали в армию. Забрали и Павла Никитича Кравченко. Он не хотел воевать против народной власти и вместе с группой односельчан бежал из части. В Пахомовку нагрянул отряд белогвардейцев. Под вопли детворы из хаты вытолкнули во двор Пантелея Никитича и его старуху-мать. Били, допытываясь, где укрывают Павла.

Бабушка не вынесла порки — скончалась. Пантелея Никитича каратели увезли в павлодарскую тюрьму, где он просидел почти три месяца.

В мае 1923 года две повозки отца и братьев Кравченко выехали из Пахомовки и вслед за солнцем покатались на Запад. В семье Пантелея Никитича было уже шестеро детей. В Пахомовке родились Анна и Ольга.

В середине лета семейный табор остановился в селе Звериноголовском. Старая казачья станица, раскинувшаяся на берегу Тобола, приглянулась Кравченко. Решили обосноваться здесь на жительство.

О тех далеких днях учительница Мария Голявинская рассказывает:

«Мне шел седьмой год, когда вблизи нашего дома, на пустыре, остановились табором переселенцы. Они стали строить землянку для жилья. Как-то я стояла у ворот. От табора ко мне подбежал загорелый мальчуган и спрашивает: «У вас есть рогач?» — «Не знаю. Надо маму спросить». — «Ну, пойдем; узнаем». — Он взял меня за руку и повел в дом. Вопросом «Есть ли рогач?» мать была удивлена, потом, улыбнувшись, ответила, что есть, и подала ухват. Так состоялось мое первое знакомство с Гришей Кравченко. Позднее он часто забегал к нам, помогал колоть дрова, носить воду.

В землянке, которую переселенцы построили против нашего дома, стали жить дед Никита с Павлом и Анисием. Семья Гриши Кравченко соорудила себе такое же жилье на другом конце улицы, на берегу Тобола. Сегодня на этом месте стоит дом № 1 улицы имени «25-ти революционеров».

Павел и Анисий получили землю от общины и стали хлеборобствовать. В тридцатые годы они в числе первых вступили в колхоз. Пантелей Никитич землепашеством заниматься не захотел.

— Безлошадному мне девять ртов не прокормить, — сокрушался он.

Осенью 1923 года родился еще сын. Назвали его Иваном младшим. По соглашению с сельским Советом Пантелей Кравченко в летнюю пору пас овец, а зимой содержал в порядке проруби на реке. Долбили их Кравченко ночью. Чуть свет казачки шли по воду, а проруби уже готовы и на тропках сделана насечка, чтобы не скользили ноги. Чистить проруби приходилось два-три раза в день. Это было нелегким делом, особенно в сильные морозы. Пантелею Никитичу помогали сыновья Федор и Иван-старший.

С весны старшие братья уходили в наем, чтобы заработать на зиму хлеб. Чаще батрачили в деревне Сибирка, километрах в тридцати от Звериноголовского. Выполняли разную работу: в кулацком хозяйстве ее неспорно. Дома появлялись только по большим религиозным праздникам.

Однажды Иван вернулся посреди недели с кровоподтеками и фиолетовыми рубцами на теле. Кулак Дегтярев избил его уздой за промашку в работе. Мать плакала, глядя на сына. А на другой день он снова вернулся к Дегтяреву. Семье был нужен хлеб, а по договору расчет с работником производился только после молотбы.

Все дети Кравченко помогали родителям, как могли. Гриша и Федот были подпасками у отца. Самые младшие хлопотали с матерью на огороде. Это была трудолюбивая и дружная семья.

Осенью 1923 года на семейном совете решили Гришу и Федота отпустить на учебу в школу. В семье Кравченко грамотных не было, и с первого дня к делам школьников дома появился всеобщий интерес. К их занятиям, как и ко всякому труду, взрослые относились с уважением. Братья учились четыре года у Парасковьи Николаевны Сучиловой, — очень доброй, внимательной, отлично знающей дело учительницы, награжденной позднее орденом Трудового Красного Знамени.

В воспоминаниях она пишет:

«...Братья Кравченко были способными и хорошими учениками. Особенно выделялся Гриша. Он быстро схватывал новый материал, всегда помогал товарищам разобраться, если им было что-то неясно. Мальчик очень любил читать, особенно о Ленине и героях гражданской войны. Мечтал стать кавалеристом. Любил участвовать в художественной самодеятельности. Хорошо пел, плясал, был находчивым, жизнерадостным и добрым».

Осенью 1924 года группа школьников пришла в райком партии. Ребята хотели стать юными ленинцами и просили создать в школе пионерскую организацию. Организовать пионерский отряд поручили комсомолке Евдокии Баландиной. Записалось в него 25 учащихся. Среди них — Нина Ефимова, Виталий Ермолаев, Антонина Шеметова, Григорий и Федот Кравченко, Алексей Волчанский. Пионеры помогали престарелым и вдовам.

1 мая 1925 года первые пионеры Звериноголовской школы принимали Торжественное, обещание. Поздравить ребят с этим событием собрались все коммунисты села. Они дали наказ: «Во всем и до конца быть честными, справедливыми, на любом участке достойно служить партии и народу».

«Этот день в моей памяти остался навсегда, как один из самых светлых и радостных. — вспоминает в своем письме учительница Антонина Шеметова, член КПСС с 1942 года. — Мы почувствовали себя в те минуты действительно борцами».

Весной 1927 года братья Кравченко окончили начальную школу, а осенью поступили в школу крестьянской молодежи. Многие их друзья тоже пришли в ШКМ. Эта школа была создана в 1924 году и имела трехлетний срок обучения. Классы назывались

группами: первая, вторая и третья. Заведовал школой опытный педагог Михаил Константинович Маляревский. Он же преподавал основы агрономии и организации кооперативного сельского хозяйства, был замечательным пропагандистом-атеистом.

При ШКМ был интернат. В него принимали воспитанников детских домов, детей беднейших крестьян, а нередко и молодых батраков. Приняли Григория и Федота. С ними в интернате жили сын вдовы Антон Иноземцев, сын уборщицы маслозавода из села Прорыв Григорий Крылов, детдомовец Никодим Угрюмов, батрак из деревни Редуть Георгий Шмаков и другие, всего более трех десятков ребят.

В интернате бесплатно кормили. Зачисленные получали по 5 рублей в месяц на учебники и тетради. При ШКМ было небольшое подсобное хозяйство. Выращивали пшеницу, овес, просо, картофель, овощи и бахчевые культуры. На полях и в огородах работали учащиеся. Здесь они проходили практику, проводя полный цикл сельскохозяйственных работ. Ведь школа готовила культурных сельских хозяев, будущих кооператоров. Интернатовцы сами заготавливали сено, ухаживали за двумя школьными коровами и тремя лошадьми. Гриша Кравченко, да и другие ребята особенно любили работать на конюшне.

В мастерской ШКМ учились столярному мастерству. В 1930 году ребята смастерили табуретки, столы и шкафчики для детского сада колхоза.

Учиться в ШКМ было трудно. Учебников, тетрадей и карандашей не хватало, наглядных пособий почти не было. В школе существовала звеньевая организация учебы. 5—6 ребят вместе готовили уроки, вместе и отчитывались перед учителями. Гриша Кравченко отличался хорошей памятью и пониманием. При подготовке к урокам он часто делился со всеми тем, что сам хорошо усвоил.

«У Гриши была какая-то особенная страсть к книжкам, — пишет в своих воспоминаниях учительница русского языка ШКМ Анна Михайловна Косарева. — В школе не было книги, которую бы он не прочитал. На уроках, когда речь шла о новом, еще не познанном им материале, он слушал учителя с таким интересом, что его густо-зеленые глаза загорались каким-то искрометным блеском. Он все отлично понимал с первого объяснения».

Многие учителя школы просили Гришу взять «на буксир» отстающих.

Однажды на уроке математики учитель Павел Григорьевич

Боросан вызывает: «Федор Тюфтин, иди к доске, будешь решать задачу». Федор слабо разбирался в математике и полушутя попросил, растягивая слова: «Павел Григорьевич, лучше после уроков кубометр дров расколю, чем задачу решать». Дня через три учитель на уроке спросил: «Тюфтин, задачу будешь решать или дрова пойдешь колоть?» Смех ребят поддержал шутку учителя. Но всем на удивление Федор быстро встал с места, прошел к доске и решил задачу: два дня перед этим с ним по несколько часов занимался арифметикой Гриша Кравченко.

Работали в школе различные кружки. По программе ребята изучали устройство сельскохозяйственных машин и орудий, их работу. Но времени не хватало. Тогда энтузиасты технического кружка после уроков занялись изучением сельскохозяйственной техники. Михаил Колов даже на год прервал учебу в школе, чтобы по-настоящему изучить трактор и поработать на нем. Этот трактор был самым первым и единственным в селе. Старостой технического кружка был Анатолий Воронин, впоследствии он стал инженером.

Действовал и санитарный кружок. Руководил им сельский фельдшер Бутаков Василий Иванович. В кружке учились делать перевязки, оказывать первую помощь при ожогах, обморожении, изучали санитарное дело и гигиену. Кружковцы ходили в больницу, помогали делать перевязки. Навыки и знания, полученные в санитарном кружке, учащиеся использовали на практике, когда выезжали в деревни на каникулы или по заданиям. Гриша Кравченко занимался во многих кружках. Однажды он предложил себя в качестве «раненого». «А ну-ка, девочки, я раненый. Скорее помогайте мне, а то я умру от боли». Ему перевязали голову, наложили на ногу шину, сделали перевязку кисти руки. А «тяжелораненый» весело смеется: «Теперь я спасен. Спасибо, Дуся и Оля».

Особой популярностью учащихся пользовались уроки обществоведения. Жестокая классовая борьба была хорошо знакома многим не только из рассказов учителя и книг. На глазах некоторых в апреле 1919 года колчаковские каратели расстреляли на берегу Тобола 25 активистов Советской власти из села Звериноголовского и ближних деревень. Кулацкую эксплуатацию многие ученики тоже знали не по рассказам, а испытывали сами, поэтому большинство ребят мечтали посвятить свою жизнь борьбе за счастливую долю трудового народа. Самые активные записывались в комсомол. Подал заявление в ячейку и Гриша Кравченко.

В школе тогда уже действовала комсомольская организация. Ее секретарем был Алексей Волчанский. В январе 1928 года

Григорий Кравченко был принят в ряды комсомола и сразу вошел в актив ячейки.

В те годы партия вела большую работу по преобразованию сельского хозяйства на основе коллективизации. На селе обострилась классовая борьба. Коммунисты часто привлекали к общественной работе и комсомольцев. На одном из собраний ШКМ выступал член райкома ВКП(б) Федор Ефимович Скрипниченко. Он рассказал комсомольцам о стоящих задачах, призвал активно помогать коммунистам в решении их. Выступил и Гриша Кравченко. Он сказал, что комсомольцы активно будут помогать партиячке во всех ее делах. Тут же на собрании комсомольцы были раскреплены по кварталам села для связи с беднотой и активом, их информировании о намечаемых мероприятиях. Организация такой связи комсомольцев с активом помогла парторганизации в решении многих практических вопросов.

Комсомольцы создали агиткультбригаду. В составе ее был хор, струнный оркестр, гимнастическая группа, «живая газета». Школьные поэты Георгий Шмаков и Тимофей Немцов сочиняли частушки и стихи. В них остро высмеивались кулаки, их подпевалы, зажимщики хлеба, неплательщики налогов, носители бытовых пороков — дебоширы и пьяницы. Нередко попавшие под критику тут же покидали зал под смех и аплодисменты односельчан. Агитбригада призывала вступать в колхоз, помогать строить новую жизнь. Душой самодеятельного коллектива были Антонина Шеметова, Таисия Севастьянова, Григорий Кравченко, Анатолий Воронин, Григорий Крылов.

Учащиеся ШКМ за время учебы приобретали не только знания по программе, но и первые навыки общественной, культмассовой работы. В школе велся учет выполняемых общественных поручений. Это заносилось и в удостоверение об окончании ШКМ. В удостоверении Григория Кравченко записано, что в течение трех лет учебы он был «председателем школьной кооперации, председателем хозкомиссии, начальником районного штаба «легкой кавалерии», секретарем ячейки ВЛКСМ, зам. секретаря РК ВЛКСМ, уполномоченным РК ВЛКСМ, РК ВКП(б) и РИКа по кампаниям».

Действительно, наиболее активных и подготовленных комсомольцев нередко направляли с поручениями райкома комсомола или райкома партии вместе с коммунистами в деревни для проведения разъяснительной работы и различных кампаний. Комсомольцы ШКМ помогали на местах разъяснять ленинский план кооперирования сельского хозяйства, заготавливать хлеб, создавать запасы семенного зерна и т. д. Когда в районе

началась работа по созданию колхозов, комсомольцы приняли в ней активное участие. Они разоблачали кулаков как эксплуататоров трудящихся, как противников коллективизации, работали в комиссиях по раскулачиванию.

Райком партии инструктировал комсомольцев, которых направляли в деревни. На одном из таких инструктажей присутствовал представитель Уральского обкома партии Линьков. На его груди был орден Красного Знамени.

Он рассказал об отважных делах комсомольцев гражданской войны, призвал собравшихся на такую же героическую борьбу за новую деревню без эксплуатации и кулаков. Когда возвращались из райкома в интернат, Гриша Кравченко, находясь под впечатлением выступления Линькова, сказал товарищам: «Вот это комсомольцы были! Можно им позавидовать. Сумеет ли мы так себя показать в деле?»

Григорию Кравченко и Григорию Крылову повезло. Им довелось ехать в село вместе с Линьковым. Зарывшись в сено, под скрип полозьев с большим вниманием они слушали рассказ о подвигах бойцов 1-й Конной армии, в рядах которой сражался Линьков, о Буденном, о III съезде комсомола.

Однажды Шмаков и Кравченко были командированы в село Редуть в помощь сельсовету. Как вспоминает Шмаков, Гриша проявил себя там заправским агитатором. Он давал обстоятельные ответы на все вопросы, а когда вступал в спор, выдержка не покидала его.

На собрании кулак Баранов задал провокационный вопрос: «Товарищ агитатор, правда ли, что при социализме все из одного котла будут есть и жёнки для всех будут общие?»

Население Редути состояло большей частью из старообрядцев. Расчет Баранова был прост: сбить Кравченко с толку, воспользовавшись его неопытностью, опорочить новый строй. Баранов ехидно улыбался. Людей было много, все ожидали, что скажет агитатор. Шмаков незаметно шепнул Кравченко, что задал вопрос кулак Баранов. Шмаков был местный и всех здесь знал.

— А мы, гражданин Баранов, не раз слышали такие вопросы, — наступательно начал Григорий. — Такие вопросы задавали еще в гражданскую войну и только те, кому не по душе была Советская власть. Сейчас их задают люди, которым не по душе колхозы, не по душе борьба народа за перестройку всей жизни на основе коллективизации. Вот и придумывают кулаки всякую ересь про социализм и про новую жизнь. Да и вам, гражданин Баранов, видимо нравятся такие басни!

Вопросов о колхозном движении было задано много, и

Кравченко толково на них ответил. Когда беседа закончилась и Кравченко ушел в сельсовет, а Шмаков еще оставался на улице, его спросили:

— Кем работает этот товарищ?

— Пока не работает, мы с ним еще учимся в школе колхозной молодежи.

— Вот оно что. Толковый парень! Большой из него человек будет.

Однажды комсомольцам ШКМ поручили проверить подготовку к посевной кампании в колхозе села Верхняя Алабуга. Приехав в село, они столкнулись с недоверием. Молодой колхозник, запрягая лошадь, с издевкой обратился к проверяющим:

— А вы, товарищи уполномоченные, лошадь-то хоть умеете запрягать?

— А ты что ж, разучился? — спросил Гриша Крылов и тут же подошел к лошади. За ним подошли и другие. Колхозник только что подтянул чересседельник и привязал его к оглобле.

— Слушай, товарищ, у тебя была лошадь, когда ты в единоличниках ходил? — спросил Крылов.

— Была. А что?

— А то, что при таком положении хомута лошадь будет задыхаться. — Крылов спустил чересседельник до нормального положения, ловко завязал.

— Езжай!..

Потом ребята принялись за проверку техники. Вечером состоялось собрание колхозников. Доклад об итогах проверки сделал Георгий Шмаков. Впервые в жизни ему пришлось выступать перед большой аудиторией с докладом. На другой вечер на собрании молодежи шел разговор о задачах комсомола и несоюзной молодежи, о роли колхозов в посевной кампании.

Такие выезды комсомольцев по заданию партийной и комсомольской организаций учили их классовой борьбе, гражданскому мужеству, пониманию задач строительства новой жизни.

У трех дружков — Гриши Крылова, Гриши Кравченко и Антона Иноземцева была мечта поступить в военную кавалерийскую школу. Для Крылова тяга в кавалерию была традиционной. Он сын лихого казака, кавалера четырех георгиевских крестов и боевого красноармейца. Кравченко и Иноземцев загорелись этим желанием под впечатлением бесед с Линьковым, буденновцем-орденоносцем.

Летом 1929 года они пешком отправились в Курганский военкомат, чтобы подать заявление и пройти комиссию.

Автомашин в те годы на сельских дорогах не было, попутной подводы тоже не подвернулось. И все 120 километров они отшагали под летним палящим солнцем. Видимо, это сказалось. Комиссия отказала им в приеме, и мечтатели вернулись в школу.

20 июня 1930 года братья Кравченко и их друзья-соученики получили удостоверения об окончании ШКМ. Пришло время выбирать жизненные пути-дороги. В стране разворачивалось строительство новых городов, заводов, железных дорог. Везде требовались квалифицированные, знающие дело люди. Для их подготовки открывались рабфаки, техникумы, институты. Выпускники школы, словно птицы, разлетались в разные стороны необъятной страны. Григорий Крылов и Антон Иноземцев поступили на рабфак в городе Перми, Никодим Угрюмов — на подготовительные курсы в Казанский университет, Григорий Кравченко — в Пермский землеустроительный техникум, из которого в том же году переведен в московский.

В январе 1931 года состоялся девятый съезд ВЛКСМ. На нем было принято решение — комсомолу взять шефство над Военно-Воздушным Флотом. Кандидат партии Григорий Кравченко воспринял призыв «Комсомолец, на самолет!», как лично к нему обращенный, и подал заявление о желании служить в авиации. В мае 1931 года он был направлен по спецнабору в первую военную школу пилотов имени Мясникова.

Военный летчик

Военная школа пилотов находилась в долине речки Качи в 20 километрах севернее Севастополя. Она была основана 8 ноября 1910 года и получила широкую известность. Инструкторы и выпускники ее первыми открыли тайну штопора (Константин Константинович Арцеулов, 1916 г.), научились делать «петлю Нестерова» на планере (Василий Андреевич Степанчонок, 1928 г.), совершали дальние перелеты.

Успехи молодой советской авиации в тридцатые годы удивляли мир. За короткий период был сделан крупный шаг в самолетостроении. Появились истребители и бомбардировщики советских конструкторов, не уступающие по боевым и летным качествам лучшим зарубежным образцам.

В августе 1927 года летчик С. Шестаков с бортмехаником Д. Фуфаевым пролетели по маршруту Москва — Токио — Москва на самолете Р-3 около 22 000 километров за 153 часа летного времени. Это было выдающееся достижение. А через два года на десятиместном трехмоторном самолете АНТ-9 Михаил Громов совершил дальний перелет с посадками в Берлине, Париже, Риме, Лондоне, Варшаве со средней скоростью 180 километров в час.

В 1929 году осенью летчик С. Шестаков, штурман Б. Стерлигов и механик Д. Фуфаев на АНТ-4 совершили перелет из Москвы в Нью-Йорк (21 500 км, из них 8000 км над Тихим океаном). Это были выдающиеся перелеты того времени.

Советской стране нужны были кадры авиаторов, чтобы создать Военно-Воздушный Флот, отвечающий задачам надежной обороны.

Вместе с комсомольцами в Качинскую школу была направлена большая группа молодых коммунистов. Прибывших одного за другим вызывали в приемную комиссию. Подошла очередь Кравченко. Крепко сложенный, невысокого роста, с чуть прищуренным взглядом, он сразу расположил к себе членов комиссии обаятельной улыбкой. Они почувствовали, что перед ними смелый, веселый по характеру и доброй души человек.

— Григорий Кравченко, прибыл из Москвы для поступления в военную школу пилотов, — доложил он.

Председатель раскрыл личное дело, просмотрел направление военкомата, анкетные данные, медицинское заключение.

— Срок обучения в нашей школе один год. За это время вы должны стать хорошим летчиком, — сказал председатель. — Придется много и напряженно работать. Готовы ли вы к этому?

— Готов! Очень хочу стать летчиком.

— Тогда зачисляем вас курсантом.

Потянулись дни учебы. От завтрака до обеда, а потом до ужина курсанты «корпели» над изучением новых наук — аэродинамики, метеорологии, устройства авиационных моторов и самолетов. Старательно перечерчивали в тетрадки многочисленные схемы электропроводки, бензо- и маслопитания. Записывали множество цифр: размах крыла, диаметр винта и расстояние от его конца до земли, ширина колеи шасси, ход поршня. Страницы самых различных данных. От напряжения тяжелела голова.

Скорее в небо! Это было неудержимой мечтой всех. С этим просыпались, с этим отходили ко сну.

В этот первый подготовительный период учебы Гриша Кравченко был принят в члены партии.

Наконец начались занятия на матчасти. Курсанты по очереди садились в кабину самолета, осматривали приборы, отжимали и отпускали педали, ручки управления, запоминали взлетное положение капота двигателя относительно горизонта и другие премудрости, о которых говорил инструктор.

Потом началась «рулежка». Не поднимая хвостового оперения, нужно было вести самолет по аэродрому, выдерживая прямую линию. На втором этапе «рулежки» курсант должен дать мотору полный газ, поднять хвост самолета и выдержать прямую. Все это давалось не сразу и не одним днем.

И вот небо! После успешной «рулежки» инструктор поднимает курсанта в воздух на высоту до 800 метров и делает несколько кругов. Таких полетов полагалось три. В это время будущий летчик должен был не только пережить восторг знакомства с небом, но и присмотреться к практической работе пилота в воздухе, успеть все вокруг заметить и доложить пилоту.

Потом начались полеты на самолетах с двойным управлением. Курсант ведет самолет, инструктор дублирует у второго руля. Он доволен: «Из тебя, Кравченко, получится летчик! Честное слово, получится!»

И вот, наконец, самостоятельный полет! Григорий плавно оторвал самолет от земли, набрал высоту. Разворот направо, разворот налево, набор высоты кругами. Внизу сверкает море, видны горы. Самолет во всем слушается пилота. Грудь спирает от радости: «Мамочка, как хорошо!» А в уме: «Ликуешь рано, впереди еще посадка. Не прозевать момент! Не перевернуться бы, не скапотировать!»

Минуты тянутся долго. Вот самолет черкнул землю колесами, «костылем», ровно побегал по полю, развернулся и замер. Напряжение спало. На лице капельки пота, да и гимнастерка

прилипла к спине.

А к самолету бегут товарищи, машут руками, радость за друга переживают и они. Григорий провел по лицу рукавом и с улыбкой стал вылезать из кабины.

Полетов потом были тысячи, но Григорий Пантелеевич любил вспоминать и рассказывать о первом. Он не упускал ни одной возможности для того, чтобы подняться в небо. Шла напряженная учеба и полеты, полеты и учеба.

У него был талант быстро решать самые трудные задачи по пилотированию и стрельбе. С удивительной доходчивостью он умел передать опыт товарищам.

В июле 1932 года состоялся выпуск. Григорию Пантелеевичу присвоили звание военного летчика и зачислили летчиком-инструктором Качинской школы. Он получил отпуск и выехал в Сталинград, где в то время жили родители. Там уже на каникулах гостил Федот — студент Саратовского института Советского строительства. Он сменил имя: стал Федором, теперь в семье Кравченко было два Ивана и два Федора.

Через месяц, вернувшись в Качи, Григорий Кравченко приступил к работе летчика-инструктора. В числе первых его курсантов были Виктор Рахов, ставший позднее выдающимся летчиком-испытателем, Героем Советского Союза, и Федор Шинкаренко, ныне прославленный летчик, генерал-полковник авиации. Вот как вспоминает об этом времени Герой Советского Союза Ф. И. Шинкаренко.

«Я и мои товарищи-планеристы уже были наслышаны о Качинской школе пилотов, но мало кто рассчитывал попасть именно в нее. В Каче мы познали радость большого полета, стали на ноги, а такое запоминается навсегда. И именно в первом полете тебя обуревают радостное чувство: ты можешь!

В летной школе первый твой начальник и командир — инструктор. Он учитель и наставник. В его руках вся твоя судьба. Это он подбадривает тебя взглядом, когда ты подходишь к самолету и садишься в кабину, следит в круглое зеркальце за твоим лицом, когда ты в воздухе берешься за ручку управления. Это он, самый строгий и самый справедливый судья, произносит окончательный приговор, тот, что обычно «обжалованию не подлежит».

Таким был мой первый инструктор — летчик Григорий Пантелеевич Кравченко. Не только он один. Но Кравченко запомнился больше других. Появился он в

нашей группе погожим осенним утром 1932 года. Подошел вразвалку, кажется, смутился и, как бы извиняясь, произнес: «Меня назначили к вам. Будем учиться вместе».

В первые минуты знакомства инструктор казался нам недостижимым в своем синем костюме с двумя кубиками на голубых петлицах, хотя он был всего на год-два старше нас и лишь недавно окончил Качинскую школу.

Кравченко принадлежал к числу тех инструкторов, которые не опекали своих учеников, а уверенно ставили их «на крыло». О нем, наверное, до сих пор с теплым чувством вспоминает не один качинец.

Первая предварительная подготовка... Их были потом тысячи, но ни одна из них не сравнится с первой, где тебя учат великой мудрости — держать самолет в горизонте, не допуская кренов, а на развороте — не упускать шарик из центра.

Объяснение ведется наглядно, с применением ладоней. Да, инструкторские ладони были красноречивей долгих пояснений. И именно с этого момента и до того дня, когда наступит прощание с полковым знаменем и со своим самолетом, сохранится у тебя привычка изъясняться короткими выразительными жестами, понятными лучше многих слов. Кравченко вновь и вновь напоминает, как важно правильно распределять внимание на взлете, наборе высоты, на развороте, планировании и, конечно, на посадке. Он что-то чертит на доске, сопровождает свои объяснения шуткой о велосипедисте, которого на ровной полянке тянет к единственному на пути дереву.

Инструктор неоднократно повторяет, что смотреть и видеть все вокруг — это главное. Даже назойливыми кажутся его бесконечные напоминания — не знаешь еще, какую цену приобретет во всей твоей жизни столь необходимая для летчика осмотрительность!

Инструктор приучал курсантов при посадке братья за борт кабины правой рукой, обязательно правой. Инструктор считал величайшим грехом нарушение раз и навсегда установленного порядка. Инструктор в школе, а после командир звена и эскадрильи не уставали напоминать: «Крути головой на 180 градусов, будь осмотрительным».

День первого полета. В ночь перед полетом сон не

берет. Полеты начинались минута в минуту по распорядку дня. Первым пошел с инструктором Семен Житников. Моя очередь за Житниковым. Привязался ремнями. Всего-навсего ознакомительный полет. Пилотирует Кравченко. А мне надо только наблюдать и сообщать ему, что заметил в воздухе.

В глазах инструктора не прочтешь оценки твоего поведения в воздухе, они не ответят на немой вопрос. Между тем ты был у него весь как на ладони, он видел в зеркало каждое движение мускулов лица, по ним чувствовал, что держишься правильно и можно доложить командиру отряда о том, что курсант вел себя как надо. Инструктор словно отрезает при докладе две-три короткие фразы: «Чувствовал себя несколько скованно, больше надо головой крутить, четче докладывать». Однако видно, что все в порядке. Можно с облегчением вздохнуть»^[1].

Григорий Пантелеевич постоянно учился сам. Познавал теорию, готов был летать с утра до вечера, стал одним из лучших воздушных стрелков и мечтал стать летчиком-истребителем. В июне 1933 года он получил назначение в особую авиабригаду. Здесь совершенствовал свое мастерство на самолетах новейших марок.

В служебной аттестации командования авиабригады о Григории Кравченко записано:

«Моторы, самолет и вооружение знает хорошо. К полетам тщательно готовится. На инспекторской проверке занял первое место по технике пилотирования. Огневая подготовка и стрельба — отличная. Программу слепых полетов проходит успешно. Достоин продвижения на должность командира звена во внеочередном порядке»^[2].

Прослужив год, Кравченко был переведен в отдельную истребительную эскадрилью особого назначения на должность командира звена.

Командиром отдельной эскадрильи был выдающийся летчик-испытатель полковник Томас Павлович Сузи. Эскадрилья по характеру своей работы была связана с НИИ ВВС. Летчики испытывали новые самолеты, авиационные приборы и оружие в самых сложных условиях и обстановке. Они ежедневно вели тренировочные воздушные бои, овладевали техникой высшего пилотажа, тактикой современного боя. Именно здесь Кравченко в

совершенство освоил истребитель И-16, что позднее не раз спасало ему жизнь в боях с врагами.

25 мая 1936 года постановлением ЦИК СССР лейтенант Кравченко был награжден орденом «Знак Почета» за выдающиеся личные успехи по овладению боевой авиационной техникой и умелое руководство боевой и политической подготовкой вверенного подразделения.

Вскоре ему было присвоено и очередное звание — старший лейтенант. Друзья горячо поздравляли Григория с наградой, желали, чтобы орден был не последним. Он, радостный, смеялся и заверял: «Конечно, будут! Это только начало!»

В те дни он писал братьям:

«Дорогие мои родные! Какое счастье служить Родине! Скажи она — и я долечу до звезд!».

А над миром уже собирались черные тучи войны.

18 июля 1936 года фашисты Испании, используя легион, расположенный в испанском Марокко, а также другие испанские и марокканские части, подняли мятеж против Испанской Республики. Фашисты Германии и Италии открыто поддерживали мятежников. Началась гражданская война. 5 августа коммунисты Испании обратились к антифашистам всего мира с призывом оказать помощь борющемуся испанскому народу. Первой откликнулась на этот зов наша Родина. За 2 месяца рабочие и крестьяне Страны Советов собрали более 47 миллионов рублей в помощь борющейся Испании. На них были закуплены продовольствие и медикаменты, отправлены патриотам Испании самолеты, танки и другая боевая техника. На Пиренейском полуострове грохотала война. В НИИ ВВС продолжалось совершенствование и создание новых самолетов, испытание их на маневренность и прочность. Шла борьба за осуществление лозунга: «Летать выше всех, быстрее всех и дальше всех!»

В тот день планировались испытания нового самолета на маневренность и прочность при наивысших скоростях. Два пилота друг за другом по очереди должны были выполнить на одном самолете 400 фигур высшего пилотажа. Готовились к испытаниям тщательно. И вдруг ночью телеграмма! У одного из испытателей несчастье в семье, потребовался немедленный выезд домой.

— Я отлетаю за товарища и за себя, — заявил второй пилот.

— Это невозможно, — изумился полковник Сузи... — В истории авиации не было случая, чтобы летчик в один присест выполнил четыреста фигур!

Летчик уверял:

— В практике не было — значит будет!

Он взял карандаш и бумагу, сел за расчеты, И убедил всех, что 400 фигур выполнит за 150 минут, сделав одну посадку для заправки машины горючим.

Командир дал согласие на эксперимент. Летчик сел в кабину самолета, дал газ, после пробежки взвился, сделал круг над аэродромом и приветственно помахал крыльями.

Стоящие на земле запрокинули головы. Они увидели, как машина четко вошла в крутой вираж, перешла на переворот, с переворота на иммельман, с иммельмана на бочку, с бочки на переворот, с переворота на петлю, с петли на горизонтальный полет, с горизонтального полета на штопор, из штопора — свечой ввысь.

Такая же серия фигур стремительно повторена снова и снова. Со свистом рассекая воздух, самолет мчится вниз, вверх. Наконец летчик идет на посадку, но не выходит из кабины, пока баки наполняют горючим. И снова в небо. И все повторяется снова. Стоящие на земле смотрят на часы, а летчик делает фигуры в еще более стремительном темпе. Возможно, ему показалось, что полет затянулся по времени?

Наконец самолет идет на посадку. Летчик видит бегущих к нему товарищей, они что-то показывают на пальцах. Когда приблизились, услышал: «Четыреста восемьдесят! Сто сорок минут!»

Испытатель вылез из кабины. Он радостно улыбался. Среди товарищей увидел незнакомого военного. Это был представитель НИИ ВВС. Летчик взял под козырек и представился: «Старший лейтенант Кравченко».

В небе Китая

7 июля 1937 года зарево войны вспыхнуло на востоке. Японские милитаристы начали агрессию против Китая. Китайский народ, помня о помощи советских военных специалистов В. К. Блюхера, М. М. Бородина, В. М. Примакова, А. Я. Лапина и многих других во время Первой гражданской революционной войны 1923—1927 годов, обратился к своему правительству с требованием просить помощи у Страны Советов.

В ответ на просьбу Китая правительство СССР согласилось направить в Китай необходимую военную технику, а также военных советников, специалистов-инструкторов и летчиков-добровольцев. Эта помощь была оказана незамедлительно. Первая партия боевых самолетов была направлена в Китай в 1937 году. Вот как о ней пишет в своих воспоминаниях бывший доброволец, генерал-лейтенант авиации С. В. Слюсарев:

«Маршрут нашего перелета начинался из района озера Байкал и дальше шел через Улан-Батор. Первую посадку мы произвели на аэродроме в 15 километрах южнее столицы МНР. На аэродроме, между прочим, нас поджидали и некоторые представители западных посольств, аккредитованных в МНР, желавшие, видимо, установить, откуда появились армады новых скоростных бомбардировщиков, до тех пор невиданных в монгольских равнинах. Через некоторое время множество автомашин с дипломатическими номерами окружило аэродром. У нас не было причин скрывать преимущества нашего скоростного самолета. Чтобы произвести еще больший эффект, мы опробовали наши спаренные пулеметы ШКАС, скорострельность которых была и то время непревзойденной. Длинной очередью из этого пулемета можно было перерезать любой металлический и деревянный самолет. Выстрелы оглушили всех находящихся поблизости. После такого грохота все военные атташе и другие представители немедленно ретировались.

На следующий день, задолго до рассвета, мы поднялись в воздух и взяли курс на Далан-Цзадагат, последний населенный пункт на юге МНР. Устойчивая погода благоприятствовала прямому перелету на основную базу в Китае — аэродром в Ланьчжоу. Здесь был организован перевалочный пункт для боевой

техники, прибывшей из СССР транспортными самолетами. Боевые самолеты перелетали также по маршруту Алма-Ата — Урумчи-Хами — Ланьчжоу.

Начиная с конца ноября 1937 года в Китай направлялись советские военные специалисты. Летчиков-добровольцев возглавил П. В. Рычагов, комиссаром был назначен А. Г. Рытов. Это были люди с большим опытом. Павел Васильевич Рычагов вернулся из Испании, где сбил 20 фашистских самолетов, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. Андрей Герасимович Рытов имел богатый опыт политической работы в Красной Армии.

1 декабря 1937 года в Нанкин прилетели первые 25 советских летчиков-истребителей на самолетах И-16 под командованием Героя Советского Союза Г. М. Прокофьева. В первый же день они пять раз поднимались к воздуху, чтобы отразить налеты самураев, сбили шесть японских бомбардировщиков и без потерь вернулись на аэродром.

На помощь Китаю в борьбе против японских захватчиков пришло немало советских воинов-добровольцев. В авиачастях подбирались лучшие летчики. Некоторые из них имели опыт боев в Испании, другие показали безупречное мастерство в пилотировании и стрельбе на учебно-тренировочных занятиях.

Ранним февральским утром 1938 года, когда город еще спал, к дому, где жил Григорий Кравченко и его родные, подъехала машина. В доме все были на ногах. Собирали в командировку Григория еще с вечера. «Командировка, — объявил родителям Григорий Пантелеевич, — будет более длительной, чем прежние, но вы не волнуйтесь. Выполню задание и вернусь домой».

Ночью выпал большой снег. Дорогу замело. Автомашина, на которой ехали летчики Кравченко и Бородай, с трудом пробивалась по улицам. Решили вернуться в штаб. Тогда подали аэросани и летчики уехали.

Через несколько дней группа, в которой был Кравченко, выехала из Москвы в Алма-Ату поездом. Некоторые добровольцы летели подразделениями на своих самолетах с места дислокации. Из Алма-Аты летчики на транспортных самолетах добрались до Ланьчжоу, а оттуда через Сиань и Ханькоу до базы в районе Наньчана. Здесь их встретил командир истребительных авиаэскадрилий А. С. Благовещенский. Это был талантливый летчик-истребитель. Поражал всех удивительным хладнокровием в воздухе, выдержкой, виртуозной техникой пилотирования. К прилету Кравченко в Китай А. С. Благовещенский уже имел на счету несколько сбитых японских самолетов.

Наши авиаторы, находившиеся в Китае, подготовили пополнению хороший подарок. В начале февраля они разбомбили крупную базу японцев близ Ханчжоу, уничтожив там более тридцати самолетов и склады с военным имуществом. А 23 февраля разгромили японскую базу на острове Тайвань. В результате налета было уничтожено 40 самолетов на аэродроме, потоплено и повреждено несколько кораблей, разрушены ангары и портовые сооружения. Сгорел трехгодичный запас горючего. Наши не потеряли ни одного самолета.

После таких ударов японские самолеты долго не появлялись в небе Китая. Это дало возможность прибывшим добровольцам «облетаться» в новых условиях, перенять опыт тех, кто уже знал тактические приемы самураев.

И вот первый бой. Новички его ждали, но синий флаг затрепетал на мачте все-таки неожиданно. Летчики бегом занимали места в строю.

— Крупный отряд неприятельских бомбардировщиков в сопровождении истребителей перелетел линию фронта и идет в направлении нашего аэродрома. Будут здесь через 40 минут! — объявил Благовещенский и, быстро поставив перед каждым звеном задачу, дал команду: — По самолетам!

Через считанные минуты самолеты один за другим поднялись в небо. Для многих пилотов наступало боевое крещение. Вот как описывал этот день в своем дневнике Григорий Кравченко:

«Признаюсь, ожидая команду на боевой вылет, я волновался, и по спине пробегали мурашки. Японские самолеты уже в воздухе. Они неслись нам навстречу. Истребителей противника в охране не было. После боя мы узнали, что их отвлекла на себя другая наша эскадрилья, базировавшаяся на соседнем аэродроме. Японцы, видимо, надеялись беспрепятственно сбросить свой груз на город и аэродром. А тут появились мы. От этой неожиданности строй разорвался. Они рассыпались на отдельные группы и, не долетая до города, начали сбрасывать бомбы. Огонь наших истребителей всюду настигал врага. Вспыхнули белые точки, потом сверкнули белоснежные зонты. Это японские летчики выбрасывались из горящих машин, спасаясь на парашютах.

На полных скоростях удирали уцелевшие бомбардировщики. Догоня одного из беглецов, я заметил, что город подо мною исчез. Стреляю в хвост бомбардировщика, но он продолжает лететь,

намереваясь во что бы то ни стало удрать. Нервы напряжены до крайности. Почему он не горит и не падает? И тут догадываюсь: надо быть выдержаннее, не злиться, не спешить и не бить мимо. В прицеле удирающий бомбардировщик казался совсем близко, но нас, видимо, еще разделяло большое расстояние. Обернувшись на миг, увидел, что позади никого нет. Вот я у самого хвоста бомбардировщика. Жму на гашетки. Струей хлещут трассирующие пули по баку бомбовоза. Огонь и дым охватил самолет. Ура! Как будто конец!

Но оказалось, что до конца было еще далеко. Огнем полыхал обреченный на гибель самолет. И тут внезапно я услышал за спиной быстрый и резкий стук. В тот же миг стекла очков потускнели, синева застлала глаза. Лицо словно обожгло. Бросил самолет вниз, но не мог понять, что произошло. И тут только увидел позади себя вражеский истребитель. Я взвился свечой ввысь и бросился на врага в атаку. Сорвал забрызганные маслом очки, стало еще хуже. Едкий бензин больно режет глаза. Неужели погибну? В первом же бою, после первого успеха? Но если уж придется умирать, то надо уничтожить и врага!

Развернулся и кинулся на противника в лобовую атаку. Вражеский истребитель увернулся от боя и, набирая предельную скорость, стал удаляться. Внезапно перед глазами промелькнул новый самолет. Глаза мучительно резало. Приготовился сражаться, но увидел, что это «ласточка». Свой! Да это же Антон Губенко! Его № 9. Спасибо, друг, за выручку! На сердце стало легче. Подлетел и увидел лицо товарища. А боль в глазах все сильнее. Из пробитых баков хлещет бензин и масло. Вражеский истребитель удирал. Губенко не преследует. Он показал на пулеметы. Я понял: пулеметы пустые. Нужно сейчас же идти на посадку.

Антон дал понять, что надо садиться «на пузо». Иду на посадку. Самолет пронесся над рисовым полем, плавно коснулся земли, заскользил, пополз и остановился. Я выскочил из кабины, сорвал с головы шлем, помахал им Губенко «все, мол, в порядке». Губенко скрылся из виду. Состояние беспредельной радости пережил я, стоя у самолета и провожая взглядом исчезающего Губенко. Спасибо, дорогой друг, выручил!

Глаза болели, кружилась голова, при посадке еще ударился левой щекой и лбом о прицел, но в горячке не

заметил боли. Я испытывал радость. Мой первый бой состоялся! Я все-таки сбил бомбардировщика!

Правда, кончился этот бой как-то несуразно, изуродована моя «ласточка». Со всех сторон сбегались крестьяне. Боль в глазах и в голове усилилась. Люди окружили меня и проводили к ближайшему телефону.

Оставив у самолета охрану из крестьян, я отбыл в Наньчан. Пришлось ехать на поезде почти целые сутки. Только к вечеру 30 апреля прибыл в Наньчан, явился в часть и... попал на вечер в честь Первого мая. Не описать, как я был счастлив, видя вокруг друзей, слыша их голоса. Летчики наперебой рассказывали мне подробности сражения. В этом бою мы уничтожили 12 бомбардировщиков и 9 истребителей.

Под разноцветными праздничными первомайскими огнями мы праздновали победу».

Воздушные бои стали частыми. Добровольцы успешно срывали попытки японцев нанести бомбовые удары по военным базам и промышленным объектам Китая.

Разведка установила, что японское командование готовит массированный авиационный удар по Уханьскому аэродрому, где было сосредоточено много наших самолетов СБ. В разработке плана защиты авиабазы и города приняли участие Жигарев, Рытов и командиры истребительных групп Иванов, Благовещенский и Захаров. Спланировали все до мелочей. К Ухани были скрытно переброшены более ста истребителей И-15 («чижи») и И-16 («ласточки»). Все экипажи находились в готовности № 1. Время тянулось медленно. Людей мучило сомнение: «Вдруг разведка ошиблась и японцы не прилетят?»

В 10 часов утра посты наблюдения донесли, что на Ухань идет несколько групп японских бомбардировщиков под сильным прикрытием истребителей.

Авиагруппа А. С. Благовещенского поднялась в воздух первой, за ней остальные.

Внезапно на одну из групп из-за облаков начали пикировать японские истребители. Они подошли над облаками на высоте около 5000 метров, рассчитывая связать боем наши истребители, чтобы бомбардировщики прорвались к аэродрому.

Маневр был разгадан. Часть советских истребителей завязала бой, а основная группа под командованием Зингаева пошла на перехват двухмоторным бомбовозам и атаковала их. Два японских самолета были сбиты сразу же, в том числе ведущий группы — японский полковник. Бой разгорелся жаркий. В

соответствии с разработанным планом в небе наращивалось число наших истребителей. Строй японцев распался. Они, отчаянно отбиваясь, стремились уйти на свой аэродром, а наши добровольцы отсекали им путь к отступлению. С той и другой стороны в бою участвовало не менее, чем по сотне самолетов. Бой шел на всех высотах. Беспрерывно трещали пулеметы. Завертелась такая карусель, что с земли было трудно разобраться, где свои, где чужие.

Тридцать шесть японских самолетов были сбиты в этом бою. Два из них уничтожил Григорий Кравченко. Таких сражений и таких результатов не знала тогда еще история авиации. Китайский журналист, наблюдавший за боем, писал:

«У англичан есть термин для определения жаркого воздушного боя — «дог файтинг», что означает собачья схватка. Нет, я бы этот бой советских летчиков назвал «игл файтинг!» — орлиной схваткой».

Результаты боя потрясли японское командование. И оно решило взять реванш за поражение. 31 мая 18 бомбардировщиков под прикрытием 36 истребителей попытались вновь совершить налет на Ухань. Но и на этот раз они получили сокрушительный отпор. Японцы потеряли 15 машин.

Когда наши самолеты приземлились, было обнаружено, что нет Антона Губенко. Никто из товарищей не поверил, что он погиб. Отвага и исключительное мастерство отличали этого летчика. И действительно, вскоре на горизонте показался самолет. Да, это девятка Губенко! Приземлился он неуклюже. Винт погнут, фюзеляж прострелен во многих местах. Вот что рассказывал позднее Антон Губенко:

«В этот день я участвовал в ряде схваток, провел несколько атак, много стрелял. В конце боя повстречался с одиночным И-96. Зашел ему в хвост, прицелился и нажал гашетку. Пулеметы молчали, кончились патроны. Видимо, справедливы были упреки командования и авиатехника, что я стреляю слишком длинными очередями и потому быстро расходую боезапас.

Было досадно упускать противника. Решил заставить его сесть на наш аэродром. Прибавив газу, пристроился рядом. Пилот, увидев меня так близко, испугался, лицо его побледнело, глаза забегали. Я погрозил ему кулаком и несколько раз ткнул рукой вниз, в направлении аэродрома. Противник понял, согласно закивал головой и спиралями пошел на снижение. Я своим самолетом как

бы нажимал на него сверху. У самой земли И-96 вдруг рванулся в сторону с намерением уйти от преследования. Патронов у него, видимо, тоже не было. Я, пользуясь превосходством в высоте, снова настиг врага, теперь уже решившись идти на таран.

Сначала хотел рубить противнику хвост, но передумал, подвел пропеллер под элерон левого крыла. «Чиж» дрогнул от удара. И-96 посыпался вниз, а мою машину забило, затрясло как в лихорадке. Я понял: деформирован винт. Уменьшил обороты мотора и на этом режиме дотянул и сел»^[3].

Подбежавшие к самолету авиатехники и летчики увидели, что лонжерон моторной рамы надломлен, мотор еле держится. Отвалился он на малой высоте, и Губенко не смог бы даже воспользоваться парашютом. Это был первый таран в небе Китая и второй в истории советской авиации. На год раньше, в Испании, Евгений Николаевич Степанов таранил фашистского аса, совершив первый в мире ночной таран.

Подобно Губенко дрался с самураями и Кравченко. Исключительное мастерство Григория Пантелеевича в пилотировании и хладнокровие ошеломляли противника. Японцы терялись перед неожиданными действиями советского летчика. Кравченко пользовался этим и наносил удары. На его счету было уже несколько побед. Старший лейтенант завоевал уважение самых бывалых истребителей. Все забыли, что этот смельчак, виртуоз воздушного боя, еще недавно был новичком.

Однажды с утра на сигнальной мачте взвился флаг. Шел дождь, медленно ползли тучи. Неужели в такую погоду появятся японские самолеты? Однако все по сигналу кинулись к машинам.

Капитан Губенко со своим звеном первым поднялся в воздух. И в этот момент из-за туч выскользнуло шесть вражеских машин. Начался бой. Вот Губенко длинной очередью пробил самолет врага, и тот пошел к земле.

— Молодец, Антон! — радовался Григорий. Его звено тоже в воздухе. Губенко и Кравченко, ведя свои звенья, искали скрывшихся в тучах самураев. Вот промелькнули перед глазами темные силуэты. Две группы вражеских самолетов вывалились из облаков.

«Тридцать», — успел подсчитать Кравченко. Шесть — и тридцать! Григорий сделал свечку и, совершив бешеный бросок ввысь, моментально оказался позади самураев. Звено «ласточек» следовало за ним. Открыли огонь. Один японский самолет задымился и пошел к земле. Но торжествовать некогда. Григорий

увидел, как самолеты заходят ему в хвост. Его «ласточка» оказалась под огнем пяти самолетов врага.

...А вот еще один... Нет, это «ласточка» Антона Губенко. Он снова пришел на выручку. «Спасибо, родной!», — обрадовался Григорий. В мгновение Губенко залетел в тыл самураям и пятерка рассыпалась. Перед Кравченко открылся простор. Губенко выручил его, но сам тотчас попал под яростный огонь. Кравченко ринулся ему на помощь. Но было поздно. Подбитая «ласточка» падала. Выбросившись из самолета, Губенко снижался на парашюте. Три самурая открыли по нему огонь. Кравченко бросился в атаку. Антон, подобрав стропы, падал камнем. Кружа над другом, охраняя его, Григорий стрелял из пулеметов, не давая врагам приблизиться. Когда Губенко оказался на земле, Григорий взвился в густое облако и увидел, как совсем рядом мелькнули две «ласточки» из его звена. Он сделал им знак идти на аэродром: кончалось горючее. А в следующий миг Кравченко увидел летящие совсем близко три вражеских бомбардировщика под охраной четырех истребителей. Не теряя времени, бросился на ближайший истребитель, с разгона зашел ему в хвост, нажал на гашетки. Но пулеметы молчали. Патронов не было. Один на один с врагом. «Ну что ж! Все равно я не выпущу тебя!» Кравченко по-губенковски навис над вражеским истребителем и стал «прижимать» его к земле. Несколько раз противник пытался вырваться вперед на предельной скорости, но Григорий настигал его, упорно прижимал книзу.

Японец растерялся, настолько грозен был вид нависшего над ним истребителя. И тут Кравченко увидел, что мотор вражеского истребителя задымился от перегрева. «Не отставать. Еще немного. Еще!»

Самурай попробовал извернуться, но Кравченко едва не обрубил ему хвост. Самолет врага рванулся вниз и врезался в землю. В баках «ласточки» иссякли последние капли бензина, мотор заглох. Григорий удачно приземлился вблизи аэродрома.

Радостной была встреча друзей. Они стояли под дождем и смотрели на небо.

— Великолепная погода для авиации, — сказал Кравченко.

— Редко бывает такой чудесный день! — ответил Губенко.

...А жизнь шла своим чередом. Бои сменялись напряженной учебой. Всем летчикам были выданы записные книжки. Благовещенский требовал, чтобы после вылета каждый подробно описывал свое участие в бою: что видел, результаты атак, расход боеприпасов, оценка действий товарищей и противника, замечания по тактике действий, претензии к организации и т. д. Обычно командир не начинал разбора боевого вылета, не

убедившись, что все проанализировали бой, сделали соответствующие записи.

Это помогало каждому увидеть бой глазами товарищей, лучше изучить сильные и слабые стороны своих действий, перенять опыт. Взыскательность за промахи была строгой. Ведь говорили о них боевые друзья, говорили без утайки, потому что от действий каждого в бою зависела жизнь самого летчика и его друзей. Выступления Григория Пантелеевича на таких разборах были всегда глубоки и справедливы. Он подмечал новое в тактике, умел просто объяснить, научить.

Вскоре Григорию Пантелеевичу доверили командование отрядом.

И вновь на мачте синий флаг. Вылет. Обнаружены японские самолеты. Встретили их в воздухе. Завязался бой. Японцы потеряли в нем почти половину своих машин. Три из них сбил командир отряда Григорий Кравченко. Продолжая бой, на предельной скорости он догнал вражеского истребителя, но в это время три японских летчика обрушились на него, подожгли самолет. Кравченко выбросился из кабины, падал, не раскрывая парашюта. На высоте около 800 метров дернул кольцо. Внизу озеро, левее горы. Регулируя стропами, спустился на воду. Озеро оказалось не глубоким, вода доходила до груди. Он почувствовал, что подвернул ногу в ступне. Подплыл пожилой китаец, посадил Кравченко в лодку. На берегу встретила толпа рыбаков. Они с интересом смотрели на летчика. Оказалось, что Кравченко не может идти, — острая боль в голеностопном суставе. Старик-китаец ощупал ногу и неожиданно дернул ее. Стало легче.

У каждого летчика был «мандат», отпечатанный яркими, красно-синими красками на шелковой материи. Кравченко показал его рыбакам, привели человека, умеющего читать. Он прочел: «Предлагается всем оказывать необходимую помощь военным служащим европейцам-авиаторам». На документе стояла красная четырехугольная печать. Она внушала уважение.

Рыбаки помогли высушить одежду, напоили чаем. Поселок, где был телефон, находился в 20 километрах от озера. Хотя боль в ноге и утихла, но Кравченко идти не мог. Рыбаки нашли старый паланкин и на нем донесли летчика до поселка, откуда Григорий Пантелеевич позвонил в штаб.

Вскоре на машине приехал комиссар Рытов. Он разыскал Григория в рыбацкой хижине. Кравченко сидел на циновке и что-то жестами объяснял собравшимся китайцам. Разговор был дружеский, настроение у всех отличное.

Жители поселка вышли проводить летчиков, низко кланялись в знак уважения, жали руку. «Ка-чен-ко, рус. Хау! Хын хау!» —

(Кравченко, русский. Хорошо! Очень хорошо!) — говорили они. Уже в машине Рытов сказал:

— Ну, и мастер ты, Григорий Пантелеевич, сходитья с людьми. Тебе бы политработником быть!

— А мне и летчиком неплохо! — рассмеялся Григорий.

В Ухани началась подготовка к эвакуации. Бомбежки участились, бои шли почти каждый день.

Стояла ранняя осень. «Ласточки» кружились на высоте 6000 метров, охраняя аэродром. Командование получило сведения, что японцы задумали совершить налет. Солнце слепило глаза, в небе плыли редкие облака. На аэродроме все настороженно ждали.

Вдруг Кравченко заметил, как от пышного облака отделились блестящие точки. Бомбардировщики! На полной скорости, заходя им в тыл, Григорий Пантелеевич повел отряд в атаку.

Бомбардировщики шли к аэродрому. Но вот японцы заметили «ласточек» и открыли огонь из кормовых пулеметов. Отряд не отвечал, пока не приблизился. Затем истребители разом обрушили огневой шквал на крайний левый самолет. Он вспыхнул и рухнул на землю. Однако остальные бомбардировщики по-прежнему шли к цели. Они летели плотным строем. Впереди флагман, в его охране два корабля. Чуть поодаль, слева, еще два самолета, справа — три. Неожиданно для всех Кравченко свечой взвился вверх и появился над флагманом. Потом ринулся вниз, вверх и «пристроился» к хвосту самурая. Все увидели: летит в строю японцев «ласточка». Стрельба прекратилась. Экипажи бомбардировщиков не пытались стрелять. Иначе неминуемо поразишь своего флагмана.

Никогда еще не случалось в воздухе ничего подобного! Кравченко, не теряя времени, точно рассчитал прицел и открыл огонь из пулеметов. Громадный корабль закачался. Пламя скользнуло по металлу, взорвались бензобаки. Полыхающий самолет полетел к земле. А Кравченко штопором пошел вниз, потом взвился ввысь и вместе с остальными истребителями открыл огонь по японцам. Сбили еще два самолета, остальные рассеялись. Это был последний бой Кравченко в небе Китая.

Эскадрильи Благовещенского и Польшина перебазировались в Ичан, западнее Ханькоу. Сюда, на базу, прибыли новые группы советских летчиков-добровольцев, чтобы сменить повоевавших уже товарищей.

Добровольцы с честью выполнили свой интернациональный долг. Советский Союз оказал огромную помощь китайскому народу в борьбе с японскими агрессорами.

В первые годы войны Китай получил от СССР 885 боевых самолетов. В боевых действиях в 1938—1939 годах постоянно

участвовало около 200—250 советских летчиков, не считая техников и людей из других служб. Можно без преувеличения сказать, что наши люди, сражаясь в китайском небе, приняли на себя главный удар японских воздушных армий. Только в первые месяцы в воздушных боях наши летчики-истребители уничтожили более 100 самолетов противника. Бомбардировочная группа с мая по октябрь 1938 года потопила свыше 70 военных и транспортных судов, уничтожила до 30 самолетов на аэродромах, сбила 17 истребителей в воздушных боях. Было уничтожено большое количество живой силы и техники врага на полях сражений.

В воздушных боях над Китаем советские люди проявляли исключительное мужество, отвагу и боевое мастерство, нередко жертвуя жизнью во имя выполнения интернационального долга. Более 200 советских летчиков пали смертью героев.

Григорий Кравченко прибыл домой в конце сентября. В сером штатском костюме вошел в длинный полутемный коридор, остановился.

— Вам кого, гражданин? — заглянула в дверь со двора Мария Михайловна.

— Кравченко Григорий Пантелеевич здесь живет?

— Здесь. Но его нет дома, он в командировке, — ответила мать. И тут же, всплеснув руками, бросилась сыну на шею.

— Да это же Гриша! Как ты изменился, родной мой! И костюм на тебе гражданский! Прости старую, сразу и не признала.

Сколько было радости в семье: Гриша вернулся!

Вечером пришли товарищи, пришел Борис Бородай, с которым Григорий вместе воевал в Китае. Родители рассказывали о домашних новостях, о родных и знакомых. О боях в далеком Китае говорил Борис Бородай. Во многих эпизодах героем был Григорий Пантелеевич. Ведь он одержал в небе Китая более десяти побед, дважды выбрасывался на парашюте из горящей машины. Разговорам не было края.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 ноября 1938 года Алексею Сергеевичу Благовещенскому и Федору Петровичу Полюнину было присвоено звание Героя Советского Союза.

В тот же день был принят второй Указ — о награждении группы военнослужащих орденами, в том числе летчиков, воевавших в Китае.

Орденом Красного Знамени были награждены старший лейтенант Г. П. Кравченко, лейтенант Б. Г. Бородай, полковник А. А. Губенко, лейтенант Н. Т. Зингаев, лейтенант Г. Н. Захаров, старший лейтенант А. П. Николаев, майор Е. М. Николаенко, батальонный комиссар А. Г. Рытов. А в ноябре 1938 года

приказом НКО старшему лейтенанту Г. П. Кравченко было присвоено внеочередное звание — майор.

Летчик-испытатель

После возвращения из Китая Григорий Кравченко получил назначение на работу в научно-исследовательский институт военно-воздушных сил Красной Армии в подразделение Петра Михайловича Стефановского. Здесь уже работали его бывший командир Алексей Благовещенский и широко известные летчики-испытатели Степан Супрун и Виктор Рахов.

О Супруне Кравченко еще в Китае много слышал от его друга, Антона Губенко, когда-то испытывавшего самолеты вместе со Степаном. Указом от 25 мая 1936 года друзья были удостоены высшей награды Родины — ордена Ленина.

Виктор Рахов учился у Кравченко летному мастерству в Качинской школе. А теперь о нем, как о выдающемся испытателе, говорили такие асы, как В. П. Чкалов, П. М. Стефановский, А. К. Серов. Виктор уже принимал участие в воздушных парадах над Красной площадью. А это доверие оказывалось лучшим из лучших.

Испытанные когда-то Супруном и Губенко истребители И-16 хорошо зарекомендовали себя в боях в Испании и Китае. Сергей Иванович Грицевец за три месяца боев в испанском небе сбил 31 фашистский самолет.

Один из дней был особенно удачным. За боевой вылет Грицевец уничтожил семь фашистских самолетов. Это было неслыханно! Одна из английских газет, комментируя этот факт, писала, что летчик Сергей Грицевец — человек исключительной храбрости и военного мастерства. Всячески расхваливала и самолет, на котором летал отважный ас.

Истребитель И-16 действительно был по тем временам хорошей машиной...

Но в конце 1938 года в испанском небе немцы опробовали в бою новые машины, модернизированные «Мессершмитты» и «Юнкерсы». Если в начале войны «Мессершмитт» имел мотор в 610 лошадиных сил, а скорость не превышала 470 километров в час, то теперь на нем был установлен мотор в 1100 лошадиных сил, а скорость возросла до 570 километров. Вместо пулемета была установлена скорострельная пушка калибра 20 миллиметров, что значительно увеличило его огневую мощь. Наши истребители И-15 и И-16 значительно отставали от модернизированного «Мессершмитта» по боевым данным. Бомбардировщики СБ также не выдерживали сравнения с немецким пикирующим бомбардировщиком Ю-88.

Нужны были безотлагательные меры для преодоления

отставания, тем более что международная обстановка с каждым днем накалялась. Фашистская Германия захватила Австрию, прибрала к рукам Чехословакию, показав миру свои волчьи аппетиты.

Перед советскими авиаконструкторами была поставлена задача — создать новые самолеты, превосходящие боевой мощью лучшие мировые образцы. Задача нелегкая. На ее решение были брошены лучшие силы конструкторов и испытателей.

К концу 1938 года известный конструктор самолетов-истребителей Николай Николаевич Поликарпов создал новую модель истребителя. Самолет был изготовлен в трех экземплярах и назван И-180.

Начались испытания. 15 декабря на самолете поднялся в воздух выдающийся летчик-испытатель Валерий Чкалов. Он сделал круг над аэродромом, убрал газ и начал планировать на посадку. Мотор типа 87-А из-за низкой температуры воздуха почти сразу же остыл и заглох. Летчик с неработающим мотором не мог дотянуть машину до аэродрома и был вынужден пойти на посадку на пересеченной местности. Произошла катастрофа. Валерия Чкалова, великого летчика, не стало.

На второй модели самолета И-180 неудача постигла Степана Супруна.

Из-за конструктивного недостатка шасси самолет скапотировал на пробеге. Летчик отделался ушибами. Третий экземпляр машины поднял в воздух Афанасий Григорьевич Прошаков. При испытании на фигуры высшего пилотажа самолет попал в перевернутый штопор. Летчик не мог вывести его в нормальное положение и прибег к парашюту.

Завод сделал еще один, четвертый И-180. На нем полетел полковник Сузи. Очевидцы видели, что самолет штопорил с большой высоты, а метрах в трехстах от земли из него выпрыгнул летчик, но почему-то не раскрыл парашют.

Погибли два замечательных летчика-испытателя. Г. П. Кравченко их знал лично, любил их, учился у них. Тяжело было перенести утрату учителей и соратников по общему делу.

После стольких неудач у летчиков-испытателей появилось недоверие к самолету Поликарпова. Именно в это время Г. П. Кравченко поручили испытать истребитель новой конструкции И-153, созданный тем же конструктором. Это был биплан с убаирающимися, как у И-16, шасси, он обладал скоростью 440 километров в час, имел 4 пулемета и приспособление для использования реактивных снарядов.

Кравченко не спеша поднял самолет в воздух, огромными кругами набрал высоту. Истребитель вел себя устойчиво на

разных высотах. С земли за полетом наблюдали ведущие конструкторы, инженеры, авиационные начальники.

— Не смело действует наш испытатель, — заметил кто-то.

Г. П. Кравченко не спешил. Делал круг за кругом. «Хорошо! А как на прочность? Как на маневренность?» И тут началось...

Самолет метался вниз, вверх, в стороны, делал крутые виражи, перевороты. Одна фигура сменялась другой. Когда летчик бросил машину в крутой штопор вниз, на земле притихли, ждали с замиранием сердца. А Григорий за считанные минуты до встречи с землей вывел машину на горизонтальное движение, а затем показал горку.

— Да, это действительно мастер!

— Виртуоз! — В восклицаниях слышалась радость; раздались аплодисменты, хотя испытатель все еще крутил в воздухе фигуру за фигурой. Есть смена В. П. Чкалову и Т. П. Сузи.

Кравченко посадил машину и попал в объятия друзей. Позднее он испытывал на И-153 стрельбу ракетами.

Накануне дня Красной Армии к Кравченко зашел Борис Бородай. Сидели за праздничным столом, разговаривали, вспоминали далекий Китай, последние испытания.

Диктор радио известил: «Передаем последние известия. Слушайте Указ Президиума Верховного Совета СССР»...

22 февраля 1939 года шестнадцати командирам Вооруженных Сил было присвоено звание Героя Советского Союза. Среди награжденных — Григорий Кравченко, Антон Губенко, Сергей Грицевец. Все бросились целовать Григория.

А диктор читал уже новый указ перечисляя имена награжденных орденом Ленина. В их числе был и Борис Бородай.

Родные Кравченко подхватили Бориса и начали качать, горячо, от души поздравляя с высокой наградой.

7 марта М. И. Калинин вручил орден Ленина и Грамоту Героя Советского Союза Г. П. Кравченко, С. В. Слюсареву, Т. Т. Хрюкину, А. С. Осипенко и А. А. Губенко. В Кремле они вместе сфотографировались.

11 марта 1939 года в Москве открылся XVIII съезд ВКП(б). Герой Советского Союза Григорий Кравченко был на нем в качестве гостя. В том же месяце он получил письмо из далекого Звериноголовского от бывших своих учителей. Они спрашивали:

«В числе Героев есть имя Григория Пантелеевича Кравченко, не тот ли это Гриша Кравченко, который возглавлял когда-то комсомольскую организацию Звериноголовской ШКМ?»

Григорий Пантелеевич тотчас ответил своим добрым

наставникам и друзьям:

«Тот самый. Я это, дорогие мои учителя!».

Герои Халхин-Гола

Весна 1939 года не принесла людям мирного счастья. 29 марта пала Республиканская Испания. А несколько дней спустя Рихард Зорге радировал в Москву о том, что командование Квантунской армии сосредоточило крупные силы у восточной границы Монгольской Народной Республики.

В Японии была объявлена всеобщая мобилизация, руководство которой поручили генералу Араки.

Японский парламент утвердил небывалый военный бюджет: семь миллиардов сто тридцать два миллиона иен.

Японские милитаристы по-прежнему вынашивали планы создания колониальной империи с включением в нее Советского Дальнего Востока.

Тучи новой войны сгущались.

В мае 1939 года Япония предприняла вооруженную попытку отторгнуть часть территории Монгольской Народной Республики. 19 мая М. М. Литвинов, вызвав японского посла в Москве Сигемицу, сделал ему серьезное предупреждение. Он напомнил о существовании между СССР и МНР пакта о взаимной помощи. А 31 мая 1939 года, выступая на сессии Верховного Совета СССР, В. М. Молотов заявил, что «границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного между ними договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную границу»^[4].

Нарком Обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов вызвал в те дни на совещание группу летчиков. Все они раньше сражались в Испании и Китае, имели богатый боевой опыт.

Начал Климент Ефремович с главного: «11 мая японо-маньчжурские пограничные части нарушили государственную границу Монгольской Народной Республики. В воздушных схватках с японцами наша авиация понесла потери. Вот почему вас, получивших боевой опыт в Испании и Китае, мы вызвали на это совещание. Мы надеемся, что вы сумеете добиться коренного перелома в воздушной обстановке над Монголией».

На следующий день, 29 мая, группа летчиков во главе с комкором Я. В. Смушкевичем вылетела на трех транспортных самолетах по маршруту Москва — Свердловск — Омск — Красноярск — Иркутск — Чита. Пилотирование самолетов, как особо важное задание, было поручено известнейшим в стране летчикам — мастерам вождения тяжелых самолетов Александру Голованову, Виктору Грачеву и Михаилу Нюхтикову. Летели 48 бывалых летчиков и опытных инженеров, в числе которых —

свыше десяти Героев Советского Союза.

На третьи сутки самолеты приземлились в конечной точке маршрута. На аэродроме увидели много самолетов. Солнце клонилось к закату, летчикам объявили отдых после трудного пути.

Боевая техника, предназначенная для прибывших, требовала тщательного осмотра и облета.

Три дня весь летно-технический состав готовил самолеты к перебазированию в район реки Халхин-Гол и озера Буир-Нур. Наконец с рассветом 4 июня — полет в неведомые монгольские дали. Предстояло пролететь на юг четыреста километров. Расстояние довольно большое для истребителей И-16. Но сложность полета заключалась не в том, самое трудное — ориентировка. На маршрутных картах обозначены только тригонометрические точки и два незначительных ориентира.

Виктор Грачев уже облетал весь маршрут, перевоза технический состав и грузы. Он и повел всю группу. Под крылом однообразная картина: ни кустика, ни дерева, не за что уцепиться взглядом. Желто-зеленые травы, красноватые пески, необозримо широкая степь.

Впереди по курсу показался населенный пункт. В нем — с десяток приземистых стандартных жилых бараков и юрт.

Приехавший побеседовать с советскими летчиками маршал Чойбалсан говорил просто и откровенно, не скрывая трудностей. Глубоко озабоченный судьбой своего народа, Чойбалсан делился с прибывшими своими мыслями и предположениями.

Что же произошло в районе Халхин-Гола?

С начала 1939 года участились наскоки японо-баргутских вооруженных отрядов на монгольские пограничные посты. Наиболее крупное столкновение произошло 11 мая. Отряд численностью до 300 конников, поддержанный авиацией, перешел монгольскую границу и напал на погранзаставы близ озера Буир-Нур и в районе высоты Номон-Хан-Бурд-Обо. Высота была захвачена. 14 мая японцы заняли и высоту Дунгур-Обо на западном берегу Халхин-Гола, а 15 мая японские бомбардировщики разбомбили погранзаставу на Хамар-Дабэ. Нарушители углубились на монгольскую территорию до реки Халхин-Гол, то есть на 20 километров.

Командир японской дивизии генерал Камацубара бросил против погранчастей МНР 15 мая большой отряд, куда входила рота тяжелых бронемашин. Но, к его изумлению, монголы устояли. И не только устояли, но и разбили этот сильный отряд, выбросили его за пределы монгольской территории. На границе не было пока ни одного советского солдата!

Японское командование намерено было захватить участок между границей и рекой Халхин-Гол до подхода советских войск.

Камацубара полагал, если этот участок глубиной 20 км и шириной по фронту 70 км захватить, то никакая сила не в состоянии будет вытеснить отсюда японские войска: по правому берегу Халхин-Гола до границы тянулись песчаные барханы. Они хорошо маскируют расположение орудий и целых подразделений. Район разрезан надвое речкой Хайластын-Гол с заболоченными берегами. Восточный берег выше западного, и если укрепиться на нем, то расположение советско-монгольских войск будет просматриваться на многие десятки километров: за рекой тянется бесконечная равнина, плоская, как стол. Удобно для танкового наступления до советской границы.

Целью японцев было: ликвидировать МНР, как независимое государство, выйти к границам Советского Союза в Забайкалье, угрожать советской земле от Байкала до Владивостока, а в случае войны с СССР перерезать Великий Сибирский путь.

В своем приказе от 21 мая командир японской дивизии генерал-лейтенант Камацубара самоуверенно писал:

«Дивизия одна своими частями должна уничтожить войска Внешней Монголии»^[5].

Советское правительство свято выполнило договор о взаимопомощи. Части 57-го особого стрелкового корпуса были направлены в район военных действий между границей МНР и рекой Халхин-Гол.

27 мая японцы пустили пал на границе. Над степью поднялась стена огня. Горела сухая трава.

28 мая японцы перешли в наступление. Авиация обрушила бомбовый удар по сосредоточению советско-монгольских войск, и они отошли к реке Халхин-Гол, понеся потери. Однако и у японцев был уничтожен отряд Адзума и разгромлено 3 штаба.

29 мая советско-монгольские части перешли в наступление и к концу дня отбросили японцев за границу. Противник потерял около 500 человек убитыми. Разгромлены были и баргутские конные отряды.

28 мая — первый воздушный бой. Эскадрилья 22-го ИАП на самолетах И-16 направилась на Халхин-Гол. Повел ее майор Тимофей Федорович Куцевалов (и. о. командира авиабригады). С ним полетели капитан Петухов, командир звена лейтенант Александр Мурмылов, лейтенант Анатолий Орлов, лейтенант Георгий Приймук, лейтенант Александр Пьянков и другие.

О своем первом боевом вылете Александр Пьянков рассказывал:

«Мне пришлось драться одному против четырех. На японцев набросился сверху. Они сначала растерялись, но затем взяли меня в клещи. Условия создались невыгодные, пришлось вырываться из боя. Но лишь на мгновение. Проверил пулеметы, набрал высоту и опять на врага. Подошел близко. Дал очередь. Самолет самурая загорелся. Другой самолет в этот момент атаковал меня. Пуля врага обожгла мне губу, самолет загорелся, пришлось садиться.

Выскочил из кабины, сбросил парашют и бегом в сторону. Японские стервятники строчат из пулеметов сверху, я зигзагами мечусь из стороны в сторону. Не попали.

Три дня шел к своим без воды и пищи. Встретил наши бронемашину. Бойцы напоили, накормили и доставили в часть. Я доложил о своем бое. Командир достал блокнот и зачеркнул запись: «А. Пьянков погиб в воздушном бою 27 мая 1939 года»^[6].

28 мая 4-ю эскадрилью на Халхин-Гол повел майор Мягков. Ее встретили японские истребители, численно превосходящие наших в 2—3 раза. Завязалась неравная схватка. Ни один наш летчик не дрогнул. Восемь погибло, двое сели в степи. Погиб майор Мягков. Капитан Балашов был ранен в голову, но благополучно приземлился. В госпиталь он не пошел, остался в эскадрилье. Несмотря на успех, японская авиация, базировавшаяся в районе гор. Хайлар и на аэродроме Ганьчжур, после 28 мая резко свернула свою активность.

До второй половины июня групповых налетов противника не было. Одиночки-разведчики предпочитали пересекать границу на больших высотах и не особенно углублялись на монгольскую территорию.

Такова была обстановка, когда Григорий Кравченко и его товарищи прибыли в Баин-Тумен. Здесь они задержались недолго. Уже к вечеру переехали километров на двести восточнее. Аэродром здесь не имел границ — неизмеримая ровная степь, очерченная, словно циркулем, линией горизонта.

Вскоре сюда приехали летчики, которые добирались из Москвы поездом. Это были молодые, хорошо подготовленные пилоты, но не имеющие боевого опыта. Вместе с ними прибыла и новая техника, улучшенные истребители И-16. На них были установлены две скорострельные пушки, оставалось и два пулемета ШКАС.

В группе, прибывшей в МНР, был 21 Герой Советского Союза.

Командовал соединением герой испанских боев Я. В. Смушкевич, талантливый летчик и командир.

Эскадрилью модернизированных И-16 вел майор Куцевалов. Прикрывали ее Герой Советского Союза майор Николай Герасимов и старший лейтенант Александр Николаев. «Это была сила, какой мы еще не видели», — вспоминает комиссар эскадрильи Арсений Васильевич Ворожейкин.

Эскадрилью включили в состав истребительного авиаполка майора Глазыкина, что значительно подняло его боевую мощь.

По замыслу Смушкевича опытные летчики должны были провести тренировочные бои с молодыми, передать им все, чем владели сами. Инструкторские группы были посланы во все эскадрильи 22-го и 70-го истребительных полков. Григорий Кравченко был направлен в 22-й ИАП.

Используя затишье на границе и в воздухе, инструкторы приступили к работе. Летчикам повезло: японских самолетов в воздухе не было и они спокойно могли изучать пограничный район. Пилоты видели, что граница проходит за рекой Халхин-Гол и тянется вдоль нее.

От левого берега реки в глубь МНР на сотни километров степи. Они начинаются сразу же за небольшой прибрежной возвышенностью — Хамар-Дабой. По правому берегу Халхин-Гола громоздятся сопки и песчаные барханы с глубокими падями между ними. Халхин-Гол течет на север от Хамар-Даб, а затем поворачивает на запад и разветвленной дельтой впадает в озеро Буир-Нур.

— Подходящее местечко выбрали самураи для начала, — сказал кто-то из летчиков после облета.

— Куда уж лучше, — согласился Герой Советского Союза Павел Коробков. — Самый удобный уголок — чертям свадьбу справлять. Вся их стратегия как на ладони: хотят с этих гор через речку прыгнуть, а дальше полным ходом на колесах через Монголию и до наших границ.

«Закончив рекогносцировку местности, мы приступили к тренировочным полетам, — вспоминает Борис Смирнов. — С утра до вечера над аэродромами стоял гул моторов. Мы старались приблизить учебные бои к тем настоящим, которые могут вспыхнуть над Халхин-Голом. Молодые летчики один за другим сходились с нами в поединках, и с каждым днем эта фронтовая учеба приносила все лучшие результаты. Мы уже начинали чувствовать на себе, как крепнет воля к победе у наших подопечных. Иногда молодые летчики

так наседали на нас, что нам самим приходилось полностью выкладываться, чтобы парализовать их стремительный натиск.

Среди опытных летчиков особенно неутомимыми учителями стали Григорий Кравченко, Иван Лакеев, Александр Николаев, Николай Викторов, Павел Коробков.

Лакеев, заметив тех, кто чаще других делает посадку для краткого отдыха, шутливо подстегивал: «Сокращай перекур, братцы-ленинградцы, репетируй, репетируй!»

Мы еще ни разу не летали на боевое задание, а наша одежда стала похожа на дубленую кожу. Ох, уж эта пустыня Гоби. Ее палящее дыхание может за одни сутки осушить целое озеро: только недавно начался июнь, а по раскаленной земле уже ползут змейки глубоких трещин»^[7].

Много раз летчикам, не имеющим опыта, довелось слушать рассказы Григория Кравченко и Александра Николаева о воздушных боях против японских захватчиков в Китае, а Ивана Лакеева и Сергея Грицевца о схватках с фашистами в небе Испании.

Рассказы боевых командиров строились в сущности на весьма простых, обыденных понятиях: осмотрительность, высота, скорость, маневренность, выдержка, боевое товарищество.

— Кто не умеет видеть в воздухе, тот не истребитель, а летающая мишень, — часто говорил Герой Советского Союза Н. С. Герасимов.

Григорий Кравченко однажды предложил искуснейшему пилоту старшему лейтенанту Виктору Рахову провести с ним показательный бой. Летчики поднялись, разлетелись в разные стороны, сделали развороты и понеслись друг на друга, словно рыцари на турнире. С каждой секундой расстояние между машинами сокращалось. И в самое последнее мгновение истребители одновременно полезли ввысь. Затем они кружились, стараясь зайти в хвост друг к другу. Наконец сделали посадку. Кравченко, вытирая пот, резко сказал:

— Тебе что, жизнь надоела, Виктор?

— А ты что не отвернул? — улыбаясь, ответил другу Рахов.

— Вот дьявол, ну и характер у тебя... Надо соображать, что к чему, учебный же бой-то.

Тренировка и обучение продолжались около двух недель. Молодые летчики были подготовлены к предстоящим боям.

Маршал Г. К. Жуков, касаясь в своих воспоминаниях событий

на Халхин-Голе, писал:

«Летчики — Герои Советского Союза — провели у нас большую учебно-воспитательную работу и передали свой боевой опыт молодым летчикам, прибывшим на пополнение...

...Часто я вспоминаю с солдатской благодарностью замечательных летчиков С. И. Грицевца, Г. П. Кравченко, В. М. Забалуева, С. П. Денисова, В. Г. Рахова и многих, многих других»^[8].

Видимо, японцы знали о прибытии в Монголию опытных в боях советских летчиков и не рисковали появляться в небе МНР.

Всю первую половину июня они стягивали на близлежащие аэродромы самолеты и лучших летчиков, чтобы потом одним мощным ударом добиться господства в небе.

Около 20 июня большое оживление царило на аэродроме Дархан-Ула. Прибывшее сюда японское авиационное начальство, собрав летчиков, заявило, что им самой судьбой предназначено теперь разгромить в Монголии советскую авиацию и проложить для японской империи путь к сибирским землям.

22 июня командующий японской авиацией в районе Халхин-Гола генерал-лейтенант Морига отдал приказ: для того, чтобы одним ударом покончить с главными воздушными силами Внешней Монголии, которые ведут себя вызывающе, приказываю внезапным нападением всеми силами уничтожить самолеты противника на аэродромах.

День выдался жаркий. Летчики, отлетав, отдыхали в тени самолетов, многие толпились возле бочки с водой, разговаривали, курили. Вдруг запищал зуммер телефона.

Трубку взял Николай Викторов и лениво пробасил: «Ленинград слушает». И вдруг, прикрыв ладонью ухо, несколько раз проговорил: «Есть!» Потом его точно подбросило:

— Давай ракету, наших бьют!

Вот как описал позднее этот бой Герой Советского Союза генерал-майор Борис Смирнов:

«Мы летели курсом на озеро Буир-Нур. Над пунктом Монголрыба творилось что-то невероятное: не меньше сотни самолетов сплелись в один клубок, опоясанные пулеметными трассами. И даже было трудно понять в этой тесноте, на чьей стороне перевес в бою.

Наши авиационные подразделения, располагавшиеся на ближайших к границе аэродромах, сражались уже минут пятнадцать. Их боевым ядром были летчики из

московской группы.

Японцы все наращивали силы. В воздухе становилось все больше и больше самолетов.

Самураи охотно принимали бой на ближних дистанциях, их это устраивало, японские самолеты обладали хорошей маневренностью, а летчики — отличной техникой пилотирования.

Возникали моменты, когда плотность боя становилась предельно возможной. В такие минуты возникала двойная опасность: атаки производились почти в упор и не исключалась возможность случайных столкновений.

Действительно, один из японских летчиков, метнувшись в сторону от атаки советского летчика, чуть было не врезался в другую машину. В самой гуще боя чей-то летчик беспомощно повис на лямках под куполом парашюта, потом вслед за ним еще трое. Сбитые самолеты падали, разваливаясь на куски, волоча за собой траурные шлейфы дыма, заставляя на своем последнем пути расступаться всех остальных. Внизу на земле кострами догорали обломки. Казалось, этому воздушному побоищу не будет конца. Но вот наступил момент, когда и у тех и у других стало кончаться и горючее и боеприпасы. И армада дерущихся начала таять.

В воздухе остались только мелкие боевые подразделения и одиночные самолеты, которые успели побывать на своих базах, заправиться горючим и вернуться к месту боя.

На свою базу советские летчики с аэродрома «Ленинград» возвращались все вместе в компактном строю, даже молодые, впервые обстрелянные, не потеряли ведущих.

До аэродрома дотянули на последних каплях горючего, некоторые самолеты не доругили до стоянок»^[9].

У бочки с водой стихийно возник разбор только что проведенного воздушного боя.

Григорий Кравченко в этом бою участвовал в боевых порядках 22-го ИАП вместе с группой инструкторов. И он открыл счет сбитым самолетам. Уничтожили по самолету Сергей Грицевец, Николай Герасимов, Леонид Орлов, Виктор Рахов, Николай Викторов.

Вечером летчики встретились в штабе авиации. Комкор Смушкевич собрал их, чтобы обменяться мнениями о первом крупном воздушном бое.

В юрте на кошме летчики сидели, поджав ноги, тесно прижавшись друг к другу. Кравченко оглянулся. У многих на груди ордена. «Сколько боев за плечами у каждого!» — подумал он.

И действительно, собрались знаменитые истребители, Герои Советского Союза Денисов, Грицевец, Лакеев, Герасимов, Гусев, Коробков и бомбардировщики Душкин, Шевченко, Зверев. Были тут многие ведущие летчики, участники боя Забалуев, Смирнов, Рахов, Викторов, Орлов и другие.

Смушкевич хотел послушать каждого, но пришлось ограничиться пятью-шестью выступлениями. Однако и они позволили сделать многие выводы.

Общее мнение сводилось к тому, что предстоящие бои будут еще более ожесточенными. Легкой победы ожидать нельзя. По разведанным переброшенные сюда японские авиационные соединения подобраны специально. Воздушный бой подтвердил это. Штаб Квантунской армии позаботился о том, чтобы группа войск генерала Камацубара была укомплектована лучшей авиационной техникой и летным составом, уже имевшим боевой опыт в операциях по захвату Китая. Смушкевич говорил тихо, спокойно, ровно. Всем он дал задания. Потом, взглянув на часы, забеспокоился и велел отдыхать.

Однако после совещания никто не торопился уезжать.

«Ко мне подошли Григорий Кравченко и Виктор Рахов, — вспоминает Борис Смирнов. — С обоими я был знаком еще с 1933 года по совместной службе в особой авиабригаде под Москвой.

После возвращения из Испании мне часто приходилось летать с Раховым в составе пятерки, которая была создана Анатолием Серовым и демонстрировала групповой высший пилотаж в дни авиационных праздников в Тушине и на парадах над Красной площадью в Москве.

Григорий не прочь был подчеркнуть иногда в разговоре присущую ему храбрость и презрение к опасности. Но это получалось у него как-то между прочим, без принижения достоинства других товарищей. Летчики, хорошо знавшие Кравченко, обычно прощали ему некоторую нескромность...

Виктор летал не хуже Кравченко, а может быть, и

лучше, но держался скромнее. До монгольских событий ему не довелось принимать участия в боях ни в Испании, ни в Китае. Летал он виртуозно. Однажды я предложил Серову исполнить полет всей пятеркой, связав самолеты между собой тонкой бечевкой. Серов приказал раньше проверить этот вариант мне и Рахову вдвоем. И мы с Виктором выполнили этот полет, не порвав в воздухе шпагат. А потом такой же полет повторили всей пятеркой.

Кравченко протянул мне раскрытый портсигар и, прищурив свои всегда смеющиеся глаза, спросил:

— В бою был?

Я кивнул головой.

— Сбил?

— Нет.

Григорий удивленно поднял брови.

— А вот Виктор одного смахнул!

Мне показалось, что дело было не только в Рахове, а просто Григорию захотелось напомнить о том решающем моменте боя, когда несколько наших летчиков во главе с ним, Лакеевым и Раховым удачно разметали ведущую группу японских самолетов.

Я взял папиросу и сказал Григорию, что для меня этот бой был первым знакомством с японскими летчиками. Да и сбить было не так-то просто в такой карусели. Григорий хлопнул меня по плечу:

— Ничего, Боря, не тужи, было бы хорошее начало, а твои от тебя не уйдут!»^[10]

Утром 23 июня стали известны результаты боя. В нем участвовало 95 советских истребителей и 120 японских. А такого количества сбитых самолетов история воздушных сражений того времени не знала: 43 самолета рухнули на землю. Из них 12 наших, 31 — японский.

В этом бою погиб командир 22-го ИАП майор Глазыкин. Он сбил два японских самолета, но и сам попал под огонь врага. Его тело нашли наземные войска. Парашют не был раскрыт. Видимо, летчик был тяжело ранен.

Горькой была утрата. Майор Глазыкин был добрым и внимательным товарищем, требовательным командиром.

Герой Советского Союза майор Кравченко был назначен командиром 22-го истребительного авиаполка.

Утро двадцать четвертого июня. В семь началось! Севернее Хамар-Дабы в районе пункта Дунгур-Обо эскадрилья 22-го ИАП

перехватила группу японских самолетов, перелетевших границу. Завязалось сражение. Вслед за первой эскадрилей Кравченко поднял остальные, туда же вылетели и эскадрильи 70-го ИАП майора Забалуева. Японцы пытались с разных сторон прорваться к нашим аэродромам, но везде встречали заслоны.

Границу перелетело около 70 самолетов противника — небольшие группы двухмоторных бомбардировщиков под сильным прикрытием истребителей.

В первых же атаках Герасимов, Коробков, Николаев, Викторов со своими ведомыми так насели на японцев, что дальше горы Хамар-Дабы им не удалось прорваться. А когда на помощь прилетели летчики Забалуева и эскадрилья Жердева, самураям пришлось совсем плохо.

В этот день воздушные бои возникали дважды и длились по часу. Наши летчики преследовали разрозненные группы японцев до самого Ганьчжура — 60 км от границы.

Противник понес большие потери, только в районе между озером Буир-Нур и Тамцак Булаком было сбито 19 японских самолетов.

Перед боем Кравченко дал задание звену Рахова приземлить новый японский самолет И-97.

Рахов с двумя ведомыми прижал японский самолет, не давая пилоту вырваться из кольца, и тот вынужден был сесть. При посадке колесо самолета попало в рытвину и он встал «на попа». Машина уцелела, а летчика нашли мертвым.

Смотреть трофейный самолет прилетели комкор Смушкевич, полковник Лакеев и майор Грицевец.

В планшете японского летчика нашли отличную карту района боевых действий. Названия были переведены на русский язык, карта размножена.

С 24 и по 28 июня на земле было сравнительно тихо, но в воздухе шли ожесточенные бои — советским летчикам ежедневно приходилось по три-четыре раза отражать налеты. Замысел японцев был ясен: они хотели подавить нашу авиацию на аэродромах, но несли большие потери. Советские самолеты были максимально рассредоточены в степи, вблизи линии фронта для противника не оказалось крупных целей.

26 июня до 60 вражеских самолетов появилось у озера Буир-Нур с целью разгромить аэродромы 70-го полка Забалуева, 30 самолетов пытались сковать эскадрилью 22-го ИАП. Завязались ожесточенные бои, в которых было уничтожено 25 японских самолетов; наши потери — 3 машины.

Во второй половине того же дня над Хамар-Дабой разгорелся бой летчиков 22-го ИАП с японскими. Сбито 10 японских и 3

советских самолета.

26 июня произошел случай, который взволновал весь фронт. 70-й полк летел в район Ганьчжура на штурмовку аэродрома. Большая группа вражеских истребителей перехватила его. Пришлось принять бой. Звено японских истребителей атаковало майора Забалуева.

Отразив атаку, майор зашел в хвост японскому самолету и поджег его. Но тут новое звено врагов набросилось на отважного командира. На помощь ему пришел Грицевец. Он поджег одного из атакующих. Забалуев хотел резко отвернуть, но пулеметной очередью другого японца был поврежден мотор его истребителя.

Грицевец обладал исключительной способностью видеть в бою все вокруг. Сбив японца, он пошел на помощь Забалуеву. Но в небе его уже не нашел.

О дальнейших событиях Сергей Иванович Грицевец рассказывал так:

«Был у нас воздушный бой с японцами. Не стану вам описывать его. Врага мы потрепали здорово. Вдруг замечаю, что Забалуева нет. А бились мы рядом. Делаю круг, ищу его сначала вверху, потом внизу и вдруг вижу: Забалуев сидит на земле. А земля-то чужая, маньчжурская. От границы километров шестьдесят. Я уже ничего не чувствую, ни о чем не думаю. Одна мысль у меня: забрать командира и улететь.

Начинаю спускаться. Все время не отрываясь смотрю на Забалуева. И вижу: он выскочил из самолета и бежит. Бежит и на ходу все с себя скидывает — парашют, ремень, ну, словом, все тяжелое. Бежит с пистолетом в руке. Мне плакать захотелось, честное слово! Ну, куда, думаю, ты бежишь? Ну, пробежишь сто, двести метров, а дальше? Ведь до границы шестьдесят километров. А там еще пройти через фронт.

Рассказываю я это вам долго, а подумать — тысячная доля секунды.

И вот интересно: казалось бы, не до этого, и вдруг я вспомнил, как он накануне про своего сынка маленького рассказывал. Черт его знает, какая-то отчаянная нежность у меня была к Забалуеву в этот момент.

«Погибну, — думаю, — а выручу тебя!»

Захожу на посадку и, знаете, так спокойно, на горке, ну словно сажусь на свой аэродром.

Самолет уже бежит по земле. Прыгает. Место кочковатое. Конечно была опасность поломки. Ну что ж,

остались бы двое, все же легче.

Беру пистолет и вылезаю на правый борт. Сам озираюсь: не видать ли японцев? Все боюсь: сбегутся, проклятые, на шум мотора. Забалуев уже возле самолета. Лезет в кабину. Говорить нет времени. Лихорадочно думаю: «Куда бы тебя, дорогой, поместить?» Самолет ведь одноместный. В общем втискиваю его между левым бортом и бронеспинкой. Вдруг мотор лихорадочно зачихал.

Забалуев в этой тесноте захватил газ и прижал его на себя. И винт заколебался, вот-вот остановится. А повернуть ни один из нас не может. Но тут я даю газ «на обратно», и самолет у меня как рванул — и побежал, побежал!

Новая беда. Не отрываемся. Уже, кажется, половину расстояния до Ганьчжура пробежали, а не отрываемся. Думаю: «Только бы ни одна кочка под колесо не попалась...».

Оторвались! Убираю шасси. Теперь новое меня мучит: хватило бы горючего. Ведь груз-то двойной. Высоты я не набираю, иду бреющим, низенько совсем, чтобы не заметили.

Нашел я свой аэродром, сел, выскочил. «Ну, — кричу всем, — вытаскивайте дорогой багаж!»

Никто не понял, думали, что японца привез, вот история!»^[11]

Весть о том, что майор Грицевец вывез майора Забалуева почти что из-под самого носа японцев, быстро облетела войска.

«В первую минуту это известие о беспримерном в истории авиации подвиге Грицевца произвело на меня ошеломляющее впечатление, — вспоминает дважды Герой Советского Союза генерал-майор Арсений Ворожейкин, бывший комиссар эскадрильи истребителей И-16 пушечных. — Мне показалось вначале, что такой поступок просто невозможен.

Разве кто-нибудь имеет право, думал я, садиться на территорию противника? Достаточно какой-то ничтожной случайности — камера лопнет, мотор заглохнет на малом газу... Я поспешил к телефону, попросил к аппарату комиссара полка. Комиссар подтвердил необычайную новость»^[12].

Когда Сергея Грицевца спросили, боялся ли он смерти, спасая

Забалуева, он ответил: «Только ненормальные люди смерти не боятся. Есть еще совесть. Есть чувство долга. Они сильнее страха».

Над позициями наших войск стал появляться вражеский разведчик. Ранним утром, когда по берегам реки тянулся туман, он парил в высоте, еле видимый среди бледнеющих звезд. Потом исчезал. Иногда разведчик неожиданно прилетал днем. Но едва советские истребители отрывались от земли, мгновенно набирал высоту и пропадал.

На следующее утро он снова сверкающей точкой скользил над рекой.

Комкор Смушкевич вызвал в штаб майора Кравченко и старшего лейтенанта Орлова. Они прибыли поздно вечером.

— Вам известно, зачем я вас вызвал? — спросил комкор.

— Не знаем, но... догадываемся, — ответил Кравченко.

— Как вы думаете, долго мы будем терпеть разведчика?

— Разрешите доложить план. Завтра ранним утром мы будем действовать вдвоем. После сообщения наблюдательных постов о приближении к фронту разведчика, вылечу я и втяну японца в бой. Орлов поднимается со своим звеном и отрежет ему путь назад. Мы его или посадим, или уничтожим.

— У меня есть уточнения, — сказал Орлов. — Лучше я приму бой, а майору быть в резерве. Он насчет выручки мастер.

— Хорошо. Так и сделаем, — согласился Кравченко.

— Желаю успеха! — попрощался Яков Смушкевич.

Смушкевич пользовался большим уважением всего летно-технического состава. Он не боялся предоставлять подчиненным широкую инициативу в решении даже самых сложных вопросов. А доброта, отзывчивость, тактичное обращение со всеми без исключения удивительно просто сочетались в нем с высокой требовательностью. И летал он отлично.

27 июня еще до рассвета Кравченко, Орлов и четыре других летчика отправились к самолетам. При лунном свете техники опробовали моторы.

Кравченко вернулся на командный пункт. Служба наблюдения сообщила, что разведчик на большой высоте перелетел границу и продвигается в направлении аэродрома. Орлов набрал высоту и начал патрулирование.

Вот он разведчик, в темном небе высоко над аэродромом. Орлов пошел навстречу. Японец пустился удирать.

Трассирующие пули чертили в небе огненные линии: Орлов уже сражался с разведчиком. Взлетел и Кравченко с четверкой истребителей.

Вошло солнце. Орлов и разведчик исчезли. Пять самолетов,

набирая высоту и скорость летели на восток. Далеко у горизонта летчики увидели два сверкающих на солнце самолета. Шел бой. Вот самолет японца задымился и начал распадаться в воздухе. И вдруг — совсем близко вражеские самолеты. Прямо на аэродром шло 23 бомбардировщика и 17 истребителей.

Кравченко никогда не смущало численное превосходство противника, он помнил суворовский принцип: «Бить не числом, а умением!» По его сигналу пять истребителей кинулись с высоты на врага. Заварился жестокий неравный бой.

С аэродрома поднимались наши «ястребки» и спешили друзьям на помощь. Но противник, используя превосходство в численности и высоте пытался лишить советские самолеты маневра. И это ему удавалось. Уже сбито три наших самолета, догорают на земле пять японских машин...

В ходе боя Кравченко увидел самолет, который кружил высоко над аэродромом, отделившись от всех. Понял, что это новый разведчик, высматривающий расположение аэродромов полка, и полетел к нему. Заметив это, японец бросился наутек, стараясь избежать преследования. Он снизился и перешел на бреющий полет.

Кравченко погнался за беглецом и приблизившись открыл огонь из пулеметов. Самолет сбит с первой атаки. Кравченко бросил взгляд на бензочасы. Бензина не было. Приземлился. На часах ровно семь. Тишина. Кругом степь. «Где же я нахожусь? — размышлял летчик, обозревая местность, напряженно вспоминая, как летел.

Надо быть ко всему готовым. Нарвал травы, прикрыл связанными пучками винт, замаскировал самолет. Попытался снять компас, но без ключа отвернуть болты не смог. Ни флаги с водой, ни бортового пайка. Кругом тихо и пустынно.

Ориентируясь по солнцу, Кравченко пошел на запад. Мучила жажда, затем к ней присоединился голод. Первый день перенес без заметной потери сил. Ночью прилег, но сон не шел. Утром с надеждой смотрел в небо. А самолеты не летят...

Весь второй день шел и шел. Прошумел дождь. Расстелил реглан, на коже собралось немного воды, выпил. И снова иссушающая жара и жажда, кровоточат потрескавшиеся ноги. Настала вторая ночь. Он уснул.

Ночи в Монголии холодные — перед зарей продрог. Кутался в реглан, снова засыпал и просыпался от озноба.

Утром ноги отказались идти. Огромным усилием воли заставил себя подняться и шагать, шагать.

«Меня ждут друзья, они верят, что их командир вернется! В полк! В полк!»

На ходу мгновениями терял сознание. Уже третий день клонился к вечеру, когда Григорий увидел мчавшийся грузовик. Разглядел: машина советская. Выстрелил из пистолета. Грузовик остановился. Водитель увидел приближающегося человека, открыл дверцу, выскочил из кабины с винтовкой.

Кравченко, боясь, как бы машина не умчалась, ускорил шаг, давая руками знак стоять.

Обросший, с искусанным москитами лицом, он еле держался на ногах. Губы обметало, язык распух, не мог говорить, а только шептал: «Свой я, братишка, свой! Я летчик Кравченко. Пить!»

Шофер дал ему фляжку с водой. На счастье подошла и легковая машина. Из нее вышел капитан. Кравченко посадили в кабину и через полтора часа привезли к штабу. Один из командиров увидел Григория, узнал:

— Да это же Кравченко! А мы тебя ищем все три дня!

Вскоре Григория Пантелеевича направили в штаб ВВС армейской группы.

Искали Григория и на машинах, и на самолетах. Но степь монгольская широка и велика. Так и не нашли. Но телеграмму о гибели пока не послали в Москву. Надеялись, что найдут или сам выйдет. Такие случаи уже были в полку.

Комиссар штаба ВВС полковой комиссар Чернышев уверенно говорил: «Такие люди, как Григорий Кравченко, ни в лапы самураям не попадут, ни от других бед не погибнут. Обязательно найдем его или сам придет!»

Шатаясь, Григорий стоял у входа в юрту Смушкевича. Кто-то позвал его, но он не отозвался: упал без сознания. Прибежал врач, оказал помощь, забинтовал ноги, летчики принесли ужин, накормили и напоили. Ночью Кравченко отвезли на аэродром. Друзья радостно встретили героя.

Григорий Пантелеевич пользовался большим авторитетом у летчиков. «Воевать и дружить он умел», — вспоминает Герой Советского Союза Антон Дмитриевич Якименко.

«Был он как командир требователен, справедлив, общителен с подчиненными, на его лице постоянно светилась спокойная, добродушная улыбка. Умел внимательно слушать, располагал к себе, своим вниманием вызывал на откровенный разговор», — так характеризовал своего командира летчик Георгий Приймук.

После этого случая командир еще строже требовал, чтобы к приземлившимся не на аэродроме летчикам немедленно спешили товарищи или запоминали, где те сделали посадку.

...Большая активность в ведении воздушной войны со стороны японцев не была случайностью. Они преследовали цель — нанести серьезное поражение нашей авиации, завоевать

господство в воздухе для обеспечения предстоящей наступательной операции.

За неделю непрерывных воздушных боев советские летчики уничтожили более 70 самолетов и много опытных летчиков врага.

Японское командование в это время заканчивало сосредоточение крупных сил в непосредственной близости к границе, в районе озера Янь-Ху, готовясь к вторжению в Монголию в больших масштабах.

Вечером 2 июля, скрытно сгруппировав в 40 километрах от границы 38-тысячную армию и подтянув 250 самолетов, японцы перешли в наступление.

Под прикрытием темноты они навели понтонный мост через реку Халхин-Гол, переправили на западный берег более ста танков и с ходу устремились к горе Баин-Цаган. Наступательная операция, по расчетам японцев, должна была закончиться полным разгромом советских и монгольских частей. И командование японских войск пригласило в район боевых действий некоторых иностранных корреспондентов и военных атташе...

Перед рассветом 3 июля старший советник Монгольской армии И. М. Афонин выехал к горе Баин-Цаган, чтобы проверить оборону 6-й монгольской кавалерийской дивизии, и совершенно неожиданно обнаружил там японские войска.

Оценив опасность ситуации, Афонин немедленно прибыл к командующему советскими войсками в МНР Г. К. Жукову и доложил обстановку. Командование выехало в угрожаемый район, где успешно организовало оборону.

По боевой тревоге в воздух поднялась вся наша авиация. Было решено сорвать наступление врага до подхода наземных войск мощными бомбовыми ударами и губительным огнем истребителей.

На рассвете к переправе на Халхин-Голе и к горе Баин-Цаган потянулись эскадрильи наших истребителей и скоростных бомбардировщиков. Японская авиация поднялась в небо, чтобы сорвать удар и прикрыть наступающие войска. Разгорелись ожесточенные воздушные бои.

Сравнительно небольшая гора Баин-Цаган с пологими скатами стала походить на огнедышащий вулкан. Советские бомбардировщики СБ сбросили 6000 авиабомб на японские войска. Горели десятки танков, броневиков, бомбы вздымали фонтаны земли, тут же взрывались падающие самолеты. С высоты казалось, что в этом аду не осталось ни одной живой души.

Экипажи по нескольку раз в день сражались в этом огненном котле. За два дня боев летчики уничтожили в воздухе 24 японских самолета, но главное — сорвали наступление японских наземных

частей.

...3 июля Кравченко встал затемно, вышел из юрты. К нему подошли комиссар Виктор Калачев, начштаба майор Петр Головин. Ветер с Халхин-Гола доносил глухое уханье взрывов. С четырех часов утра в воздухе стоял непрерывный гул моторов. Эскадрильи бомбардировщиков СБ одна за другой тянулись к горе Баин-Цаган и к переправам через реку.

Кравченко, оглядывая степь и небо, сказал:

— Погода сегодня будет как всегда летная. Ночью японцы перешли в наступление. Сегодня мы будем разбирать конфликтные дела. Товарищ Головин! — обратился он к начштаба. — Отдайте приказ командирам и комиссарам эскадрилий, чтобы они были здесь через час. К этому времени я составлю план действий.

Ровно в пять все собрались в юрте Кравченко. Командир огласил приказ, указав направление и цели штурмовки, порядок действия эскадрилий. Приказ заканчивался словами: «Вылет в шесть ноль-ноль. Ведущим буду я».

Совещание длилось 13 минут.

Кравченко связался по телефону с командующим ВВС 1-й армейской группы полковником Гусевым и между ними произошел странный для непосвященных разговор:

— Разрешите сходить в гости, — начал Кравченко, — недалеко... несколько десятков шагов.

Полковник спросил:

— У вас все в порядке?

— Нам все известно... знакомый давно ждет.

— Разрешаю. Счастливо.

Ровно в шесть Григорий взмыл в воздух.

За ним со всех площадок поднялись истребители, и полк, строгим строем набирая высоту, полетел к дальним сопкам. Ведущим был Григорий Кравченко. За ним вели эскадрильи Василий Трубаченко, Константин Кузьменко, Александр Хирный, Виктор Рахов, Виктор Чистяков.

Участник этого налета комиссар эскадрильи Арсений Ворожейкин вспоминает:

«Мы летели двумя девятками за головным звеном командира полка майора Кравченко. Чтобы скрытно приблизиться к противнику и использовать внезапность, командир полка решил пересечь границу над облаками. Полк истребителей набирал высоту, справа и слева были тяжелые тучи. Дальше в небе Маньчжурии не было ни одного облачка. Командир повернул влево и начал

снижаться в направлении вражеского аэродрома.

Замысел был таков: четыре эскадрильи произведут штурмовку самолетов на земле, а одна остается наверху на тот случай, если противник вызовет помощь с другого аэродрома.

Солнце светило в хвост. Линия стоянки самолетов, немного перегнутая, вырисовывалась почти под прямым углом, что позволяло начать атаку с ходу на широком фронте. Вслед за командиром полка лейтенант Трубаченко направил свою эскадрилью прямо на середину стоянки. Появление 22-го полка было для японцев неожиданным. Только после первых пулеметно-пушечных очередей они поняли в чем дело. Каждый И-16 имел в запасе по 3000 патронов. Эскадрилья лейтенанта Трубаченко была вооружена пушками. Огонь оказался метким. На аэродроме паника: одни бежали со стоянок сломя голову, другие падали на месте. Один И-97 попытался взлететь, но его сбил Трубаченко. Три пушечных самолета И-16 Ивана Красноюрченко били из пушек по зениткам, и они были подавлены огнем истребителей.

В клубах черного дыма внизу вскидывались ослепительно желтые языки бушующего пламени — это взрывались бензобаки японских истребителей. Сделав три захода, 22-й ИАП возвращался домой»^[13].

Все самолеты совершили посадку на своих стоянках. Комиссар Калачев был ранее легко ранен, поэтому в бой не летал.

Он проверил, все ли вернулись в эскадрильях. Вот машина Кравченко. Летчик, не снимая шлема, перегибается через борт и хохочет.

— Эх, комиссар, и дали же мы им сегодня! Захватили врасплох, в три захода сожгли в пух и прах!

Калачев тоже смеется:

— А как же иначе! Так и должно быть, командир!

Между Владимиром Николаевичем и Григорием Пантелеевичем — настоящая боевая дружба. Кравченко искренне радовался и восхищался боевой работой своих друзей. Он много раз выручал в бою то одного, то другого. Всегда с жаром разбирал очередной бой, вспыхивая той стремительной энергией, которая бывает у людей, идущих в атаку. Комиссар был под стать командиру. Они были единомышленны в воспитании своих подчиненных. Учили, что сила бойцов в спаянности, в боевой дружбе, во взаимной выручке, в крепкой дисциплине. И сами,

командир и комиссар, подавали пример в этом.

Начальник оперативного отдела полка майор Эраст Цибадзе доложил в штаб ВВС о результатах налета на японский аэродром. Краткий доклад он закончил словами: «Все прибывшие самолеты в полном порядке и готовы к новому вылету».

Пока шла заправка самолетов горючим и боезапасом, летчики вспоминали подробности разгрома японского аэродрома. Командир 2-й эскадрильи Виктор Чистяков упрашивал Кравченко разрешить ему слетать к аэродрому и разведать, что там происходит. Кравченко разрешил с условием: если откуда-либо появятся истребители, боя не принимать и немедленно возвращаться на базу.

— Все будет в порядке, — ответил Чистяков и быстро скрылся.

Время идет, а Чистякова нет. Телефонный звонок. С командного пункта требуют три эскадрильи к фронту. Немедленно вылетели. Их повел командир первой эскадрильи Константин Кузьменко.

Через 10 минут второй звонок:

— Бой начался, силы равные, но к противнику подходят резервы, высылай остальных.

— По самолетам!

Кравченко повел эскадрилью. Над фронтом, на сравнительно небольшом пространстве, вели бой 180 самолетов. Уже издалека можно было видеть факелы падающих машин. Подлетев ближе, Кравченко заметил группу Кузьменко, наседавшую на противника. Самолеты японцев выходили из боя.

«В нашей помощи Кузьменко не нуждается», — решил Кравченко и повел эскадрилью к ближайшей вражеской базе. Налет был, как и утром, очень удачным: пять самолетов уничтожили на земле, а два подбили на взлете.

Звонок. Кравченко берет трубку и слышит голос командующего:

— Славный денек! Поздравляю с успехом!

Григорий передал летчикам поздравление командующего. Настроение поднялось: такое ведь не каждый день случается. В столовую шли шумной гурьбой, подшучивая друг над другом, делясь впечатлениями.

Чистякову понесли обед в юрту: при возвращении из разведки он вынужден был принять бой с восьмеркой самураев и получил ранение в ногу. Не подоспей на выручку Виктор Рахов со своим звеном, не хлебать бы Чистякову щей.

Только принялись за обед — тревога. Пилоты бегом к машинам — и в небо. А на горизонте черной стаей — японские

самолеты. Около сотни машин врага с яростью бросились в атаку.

Первые дымь горящих самолетов прочертили небо. На глазах у командира полка японский ас ловко сманеврировал, зашел нашему истребителю в хвост и поджег его.

Другой самурай коршуном бросился на истребитель Кравченко, но тот ушел из-под огня и сам погнался за японцем. Поединок длился почти двадцать минут. Наконец языки огня скользнули по мотору вражеской машины. Летчик выбросился на парашюте и был взят в плен.

В этом бою отличился Виктор Рахов. Он получил задание атаковать ведущего японской армады, отколоть его от своих и уничтожить или попытаться посадить на наш аэродром.

Рахов выполнил задание. Около полудня шла смертельная схватка двух мастеров воздушного боя. Японец был сбит и выбросился на парашюте. Его взяли в плен и доставили в штаб ВВС. Это был майор Такео.

Через несколько дней, выбрав свободное время, Кравченко и Рахов решили поговорить с пленным майором. В юрту вошли с переводчиком. Такео, увидев Рахова, не поверил, что его сбил «старший лейтенант Виктор Рахов, 25 лет», как сообщил ему переводчик.

Такео возмутился: с ним зло шутят. С лучшим асом Японии. Его сбил этот мальчишка?

Виктор Рахов показал себя на Халхин-Голе отличным воздушным бойцом. Первую победу он одержал 12 июня. Тогда Кравченко, как наставник, похвалил его:

— Чисто сработал, Витя, словно орех разгрыз.

В небе Монголии Рахов лично сбил 8 японских истребителей.

После боя Кравченко прилетел в эскадрилью лейтенанта Трубоченко и приказал перебазироваться ближе к линии фронта. Эта истребительная эскадрилья была единственной, оснащенной пушками, поэтому она становилась одновременно и штурмовой. Техники немедленно приступили к работе по перебазированию.

В этот день летчики сделали уже семь боевых вылетов. Два раза штурмовали аэродромы врага и пять раз летали на Баин-Цаган громить наземные войска и переправу. Все страшно устали.

Майор Кравченко, увидев изрешеченный японскими пулями истребитель, приказал собрать возле машины всех летчиков.

Его усталое лицо было недовольно, прищуренные глаза строго поблескивали.

Лейтенант Трубоченко доложил о полном сборе. Тут Кравченко улыбнулся:

— Что приуныли!? Уж не сбили ли у вас кого?

— Нет, — отозвалось несколько голосов.

— Ну, так выше голову! Я прилетел к вам с хорошей вестью. Прошу всех сесть поближе.

И продолжал:

— Наступление японцев по всему фронту остановлено. Переправившиеся через Халхин-Гол самураи под натиском наших танкистов вынуждены перейти к обороне на горе Баин-Цаган. Ваша эскадрилья смелыми штурмовками оказала большую помощь наземным войскам, и они вас от всего сердца благодарят.

Над горой Баин-Цаган в течение всего дня сменялись в воздухе эскадрильи. Вот в этих-то штурмовках и участвовали летчики Трубаченко после налета на японский аэродром утром.

Кравченко показал на самолет, возле которого собрались летчики, и голос его посуровел:

— Теперь полюбуйтесь! 62 пробоины! И этим некоторые еще гордятся. Считают дырки доказательством своей храбрости. Срам это, а не геройство! Вы взгляните на входные и выходные отверстия, пробитые пулями. О чем они говорят? Вот здесь японец дал две длинные очереди и обе почти строго сзади. Значит летчик зазевался и проглядел противника. А по глупости, по своей невнимательности погибнуть — честь невелика...

Допустим, вы много летаете, устаете, это притупляет бдительность. Но ведь хозяин этой машины сделал сегодня только три вылета, я специально поинтересовался. И вообще заметьте: анализ потерь говорит, что в большинстве случаев летчиков-истребителей подбивают на зевках. Молитесь Поликарпову, что он сделал такой аэроплан, который фактически-то, если умело воевать, японские пули не берут!

Вот смотрите: две пули ударили прямо в наголовник бронеспинки, а ей хоть бы что! Даже не треснула. Плоскости фюзеляжа как решето, а стоит заклеить все эти дырки, машина снова готова в бой. Преимущество наше в том, что наши самолеты по скорости превосходят японские, а по живучести они во много раз лучше. Если бы столько пуль досталось И-97, так от него бы мокрое место осталось!

Раздались одобрительные возгласы. Кравченко продолжал:

— Некоторые летчики не очень ясно представляют себе, в чем состоят особенности воздушного боя против маневренных японских истребителей на малых высотах, вблизи земли.

Все с интересом слушали командира полка, так как разговор шел о действительно наболевшем.

— При том мощном вооружении, которое имеют И-16П, — говорил Григорий, — вашей эскадрильи придется частенько вылетать на штурмовку, действовать возле земли, и тут многое надо учитывать. Вы знаете, что И-97 при лучшей маневренности

уступает И-16 в скорости на 10—20 километров. Однако это преимущество нашего истребителя не дает возможности на низкой высоте быстро оторваться от зашедшего в хвост И-97, двигаясь по прямой. Почему? Разгадка проста. Чтобы уйти от противника на безопасную дистанцию, то есть метров на 400—500, необходимо некоторое, хотя и малое время. А этого времени вполне достаточно, чтобы японский самолет выпустил свой боекомплект по уходящему без маневров И-16. Ошибка некоторых летчиков как раз в том и заключается, что они, обнаружив позади себя противника, уходят от японца только по прямой, стараясь скорее оторваться за счет скорости. Это неправильно и очень опасно.

Как лучше действовать? Главное условие успеха в воздушном бою — стараться на большой скорости и с большой высоты решительно атаковать противника, невзирая на его численное превосходство. Затем, используя скорость разгона, оторваться от врага и снова занимать исходное положение для повторной атаки. Когда же повторная атака почему-либо невыгодна, нужно подождать, удерживая вражеских истребителей на таком расстоянии, которое обеспечивало бы вам разворот с целью лобовой атаки.

Постоянное стремление атаковать — верное условие победы. Мы должны осуществлять наступательную тактику так, чтобы наш самолет, обладая преимуществом в скорости и огневой мощи, всегда походил на щуку среди мальков!

Кравченко сделал паузу, обретая внутреннее спокойствие.

— А как же все-таки действовать, когда в силу каких-то обстоятельств противник сумел зайти в хвост, оказался на дистанции верного поражения?

Этот вопрос интересовал многих летчиков больше всего. Ответ на него они искали в боях, каждый склонен был делать свои выводы, но никто твердо в них уверен не был, потому что формула решения была разнообразна и давала разные результаты. Одни считали, что надо внимательно следить за противником, но это всегда нужно, и не допускать, чтобы он оказался близко от хвоста. Другие заявляли, что все дело в технике пилотирования: при отличном пилотировании ничто не опасно. Третьи держались мнения, что раз скорость И-16 не позволяет быстро выйти из боя, а маневренность относительно И-97 хуже, то, если не выручит товарищ, исход боя предрешен в пользу противника.

И вот Кравченко, опираясь на собственный опыт, на опыт других летчиков, отвечал на этот вопрос:

— Если вы видите самурая, знаете его и будете правильно

использовать качество своего самолета, то И-97 один на один никогда не должен сбить И-16. И вообще, очень трудно сбить истребителя с истребителя, когда они оба видят друг друга.

Ответил Кравченко и на целый ряд других вопросов: о тактике боя, о воздушной стрельбе, об управлении боем, о боевых порядках.

Затем он перешел к способам борьбы с зенитной артиллерией. Говорил Григорий неторопливо, уверенно, как о деле, хорошо ему известном и целиком его поглотившем.

— Истребитель И-16 превосходит японские истребители не только по скорости, но также и по запасам прочности, что позволяет создать в бою большие перегрузки и, таким образом, повышать его маневренность. Главное же — нападать, а не обороняться, заниматься не «выбором удобного положения для атаки», а стремиться к глубокому сочетанию осматрительности, маневра и огня. На то мы и называемся истребителями, чтобы истреблять противника!

Григорий сам успел в этот день провести воздушный бой с японским асом и 2 раза слетать на штурмовку вражеского аэродрома. Несмотря на это, смог еще прочитать, по существу, лекцию по жизненно важным для пилотов вопросам.

«Советы Кравченко падали на благодатную почву. И когда разбор закончился, командир полка с легкостью, неожиданной для его грузноватого тела, занял свое место в кабине И-16 и ушел в небо красивым, стремительным почерком. Я очень остро почувствовал, как велика дистанция между опытом, которым владеет он, и тем, что успел усвоить я, — пишет А. В. Ворожейкин. — Кравченко был как раз тем человеком, в совете которого мы испытывали... особенно большую нужду. В его голосе, немного глуховатом, твердо звучала та сила правоты и ясности, которая бывает свойственна опытным и храбрым командирам. Свою речь он сопровождал движением кистей рук, один согласный взмах которых, случалось, говорил во сто раз больше, чем самое обстоятельное толкование какого-либо неожиданного внезапного маневра»^[14].

Арсений Васильевич Ворожейкин прекрасно описал, как Г. П. Кравченко учил своих летчиков в боевой обстановке. И, видимо, многое перенял от своего командира. Участвуя в боях на Халхин-Голе в качестве комиссара эскадрильи истребителей И-16 пушечных, на советско-финском фронте и на фронтах Великой Отечественной войны, А. Ворожейкин сбил 52 самолета лично и

13 самолетов в групповых боях. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза дважды.

Ныне генерал-майор авиации А. В. Ворожейкин находится в запасе. Это достойный ученик замечательного наставника Г. П. Кравченко.

Ночью 4 июля командующий ВВС фронта комкор Смушкевич отправил телеграмму наркому обороны маршалу К. Е. Ворошилову:

«Истребительный полк, командир которого Герой Советского Союза Кравченко, провел сегодня два налета на передовые аэродромы противника и два воздушных боя: один над фронтом, второй при налете у себя над аэродромом. Уничтожено тридцать два неприятельских истребителя. Потерян один наш летчик, о чем считаем нужным вам доложить».

Контрудар советско-монгольских войск увенчался успехом. На третьи сутки, в ночь на 5 июля, противник отступил, оставив на поле боя тысячи убитых солдат и офицеров. При отступлении за реку много японцев утонуло.

5 июля Баин-Цаганское побоище завершилось победой советско-монгольских войск. Однако японцы сумели удержать всю ранее занятую территорию восточнее Халхин-Гола.

В юрту, освещенную фонарем, начальник штаба полка майор Головин принес на подпись командиру боевое донесение о действиях 22-го полка за минувший день:

«8 июля 1939 года в воздушном бою в 10—15 км юго-западнее Ху-Ху и Ундор-Обо участвовало наших 51 самолет, со стороны противника 30. В результате боя сбит 21 самолет противника. Наши потеряли три самолета и трех летчиков».

— Много потеряли, много! — огорчился Кравченко. Он всегда больно переживал гибель товарищей.

12 июля японские истребители летели над позициями своих войск, построившись в три яруса, на высоте 800—1000 метров.

Кравченко, ведя свой полк на сближение, приказал одной эскадрилье имитировать бой с нижним ярусом, другой — отойти в сторону и подняться на уровень второго яруса, третьей подняться до верхнего.

Когда второй японский ярус бросился в атаку на нижнюю эскадрилью И-16, она сделала разворот и, не вступая в бой, пошла вверх.

Вторая эскадрилья полка ринулась на снизившийся второй японский ярус, а третья напала на верхний. Благодаря применению такой тактики за 45 минут была одержана победа: японцы потеряли 11 истребителей, наши — ни одного.

В середине июля авиагруппа пополнилась новыми истребителями И-153 конструкции Н. Н. Поликарпова.

Самолет имел 4 пулемета, стреляющие через винт, на нем впервые использовалась установка для запуска реактивных снарядов. Прибыли также истребители И-16, вооруженные четырьмя пулеметами.

По указанию Смушкевича для испытания в бою И-153 была сформирована отдельная эскадрилья особого назначения.

Командиром этой эскадрильи стал майор С. И. Грицевец, его заместителем Б. А. Смирнов. Грицевец и его товарищи облетали все самолеты. После этого прославленный летчик попросил разрешения на вылет с целью патрулирования вдоль фронта.

Полетели девяткой. Грицевец, Коробков, Смирнов шли в головном звене, Николаев вел Орлова, Акулова, Викторов — Смолякова и Писанко. На высоте трех тысяч метров в районе озера Узур-Нур появилась группа самолетов противника. Заметив девятку И-153, японские летчики сразу пошли на сближение. Они, по-видимому, приняли «чайку» за истребители И-15-бис, с которыми охотно вступали в бой, потому что скорость их была меньше, чем у И-16. На большом расстоянии «чайки» не мудрено было спутать с И-15-бис, так как тот и другой были бипланы.

Грицевец развернул эскадрилью на свою территорию. Этот маневр ввел противника в заблуждение: уходят, дескать, не желают вступать в бой.

Но вот Грицевец подал команду: «К бою!» Первая атака прошла на встречных курсах. Мощный огонь с И-153 показал японцам, что они встретились не с И-15-бис, а с новыми самолетами. За короткие минуты самураи потеряли четыре машины.

Спустя несколько дней японская газета «Иомури», публикуя сводку событий у Халхин-Гола, отметила, что у «красных» появился новый тип истребителя. Японцы называли его И-17, а летчиков, которые летают на этих бипланах, «сущими дьяволами».

Летчики отдельной эскадрильи говорили: «Про нас пустили легенду, будто мы для приманки японцев выпустили шасси в первом бою, как будто мы на И-15, так это брехня, сказки. На «чайке» с необрунным шасси набирать скорость нельзя: мотор спалишь. А выпускать да убирать их в воздухе не позволяет запас сжатого воздуха в бортовом баллоне. А потом... как нормальный

летчик полетит с неубранными шасси? Это ведь бой! Тут фокусы не годятся!»

23 июля летчики полка произвели 111 боевых самолетовых вылетов, сбили 11 самолетов противника. 29 июля майор Кравченко вывел группу в 27 самолетов на вражеский аэродром и произвел штурмовку. На аэродроме было уничтожено 13 самолетов. Через полчаса советские летчики произвели налет на другой, хорошо замаскированный аэродром. Уничтожили 6 самолетов.

20 июля командир 2-й эскадрильи Витт Скобарихин вылетел на прикрытие наземных войск. Летчик, старший лейтенант Василий Никифорович Вусс, совершавший свой первый вылет, отстал от группы. Японцы набросились на него. Требовалось немедленно атаковать противника. Спасая товарища, В. Скобарихин таранил вражеский самолет и сел в степи вблизи аэродрома. Это был первый таран советского летчика в небе МНР.

Второй таран на Халхин-Голе совершил капитан Виктор Кустов. 3 августа японцы всеми силами на земле и в воздухе рвались вперед. Наши истребители перекрыли дорогу вражеским бомбардировщикам. В ходе боя Кустов атаковал самолет врага. В решающий момент у советского летчика кончились патроны. Через несколько минут бомбы могли посыпаться на головы наших воинов, и Кустов пошел на таран, уничтожил врага, но и сам погиб в этой схватке.

А на следующий день над горой Хамара-Даба лейтенант Мошин сбил один истребитель врага, погнался за вторым и, когда понял, что патронов нет, винтом ударил по стабилизаторам вражеского самолета. Японский истребитель врезался в землю. Мошин благополучно сел на свой аэродром.

На одном из очередных совещаний Я. В. Смушкевич, улыбаясь, сказал Кравченко:

— Японцы в своих сводках считают ваш полк опаснейшим и утверждают, что он весь сформирован из асов, получивших боевой опыт в Испании и Китае.

— Они правы только в одном: действительно двадцать второй стал полком асов, — не без гордости ответил Кравченко. — Только почти все летчики получили боевое крещение здесь на Халхин-Голе.

И действительно, молодые летчики, не бывавшие в боях до Халхин-Гола, за время боев стали опытными асами. Один из них, Александр Пьянков, из 1-й эскадрильи 22-го ИАП вот что рассказывал в ноябре 1939 года:

«Вызывает нас к себе во второй половине дня

командир и дает боевое задание.

Взлетели. Высота — 1000, 2000 и, наконец, 4000 метров над землей. Напряженно всматриваюсь в даль. Никого. Вдруг показались точки. Они росли и приближались. Самолеты врагов — истребители. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Семь против двух! Летят прямо на нас. Что называется, в лоб. Мы летим спокойно. Ближе, ближе, вот-вот столкнемся. Кто выдержит? У кого нервы крепче? Выдержали мы.

Веером разлетелись враги... И пошла карусель! Их семь — нас двое. Бьемся. Гул стоит в воздухе. Их шесть — нас двое. Пулеметы работают вовсю. Их уже пять, а нас все двое. Верчусь, выкручиваюсь. Жарко. И вдруг сбоку Андрей. Пошла работа. Вижу, задрал нос еще один истребитель, перевернулся и штопором полетел вниз. В общем они думали нас съесть, а получилось как раз наоборот. Вот что значит дружба советских летчиков»^[15].

Двадцать раз участвовал А. П. Пьянков в воздушных боях в районе Халхин-Гола, сбил одиннадцать самолетов.

10 августа 1939 года Указом Малого Народного Хурала МНР большая группа советских летчиков была награждена орденами Боевого Красного Знамени. В юрту, где собрались награжденные, вошли маршал Хорлогийн Чойбалсан, заместитель начальника ВВС РККА комкор Смушкевич, представители авиационного командования.

Выступая перед собравшимися, маршал Чойбалсан отметил, что японская военщина третий месяц пытается прорваться в глубь Монголии, но советско-монгольские войска надежно закрыли дорогу врагу.

— Большое спасибо вам, русские братья! — сказал маршал.

После выступления был зачитан Указ о награждении советских летчиков. Ордена Боевого Красного Знамени МНР I степени получили А. В. Смушкевич, И. А. Лакеев, С. И. Грицевец, А. И. Гусев, Б. А. Смирнов, Н. С. Герасимов, Г. П. Кравченко, В. Н. Калачев, А. Д. Якименко, А. В. Ворожейкин, А. П. Пьянков, В. Г. Рахов и другие.

С ответным словом выступили Г. П. Кравченко, В. Н. Калачев, И. А. Лакеев.

Принимая монгольский орден из рук Чойбалсана, Кравченко от имени всех награжденных советских летчиков заявил:

«У нас, русских, есть неписанный закон. Если горит дом соседа, его тушат всем миром. Монголы — наши

соседи и друзья, разве мы могли допустить, чтобы они сгорели в пожаре, подожженном японцами? Мы интернационалисты! Мы не только доброжелательно относимся ко всем народам земли, но и несем в известной мере ответственность за судьбы трудящихся других стран и всегда готовы добиваться справедливости, даже силой оружия и ценою крови. Вот почему мои товарищи так самоотверженно дерутся в небе Монголии»^[16].

Устаревшие И-15 и И-16 с двумя крыльевыми пулеметами постепенно заменялись истребителями И-16 с мощным пулеметно-пушечным вооружением и самолетами И-153. Активно начала действовать группа тяжелых бомбардировщиков ТБ-3.

Командующий ВВС в Монголии комкор Я. В. Смушкевич и комиссар ВВС армейской группы полковой комиссар И. Т. Чернышев решили отметить День Военно-Воздушных сил 18 августа. Группа Сергея Грицевца безупречно строгим парадным строем прошла над линией фронта, демонстрируя мощь нашей авиации. Звено майора Александра Николаева каскадом фигур высшего пилотажа показало класс летного мастерства. Весь фронт рукоплескал славным соколам. Все это проходило на глазах японцев, но они не могли помешать параду.

Советско-монгольское командование готовилось к генеральной наступательной операции по разгрому вражеских войск, вторгшихся в пределы МНР. По данным разведки, японское командование готовило свое наступление к 24 августа.

Подготовка с обеих сторон шла скрытно, истинные намерения маскировались ложными действиями войск.

20 августа, в 5 часов 45 минут наша артиллерия открыла мощный огонь по противовоздушной обороне противника. Отдельные орудия обстреливали дымовыми снарядами цели, по которым нужно было нанести бомбовый удар. Затем в воздух поднялось 150 бомбардировщиков и около ста истребителей. Такого еще не знала история войны. Удар был сокрушительным.

В 8.30 комкор Смушкевич приказал повторить удар. После этого японская артиллерия в течение полутора часов не могла сделать ни одного выстрела по нашим войскам, стремительно ринувшимся на позиции врага.

В этот день летчики 22-го полка, сопровождая бомбардировщики, в воздушных боях сбили 18 японских самолетов, потеряв только один.

21 и 22 августа упорные бои шли в районе Больших Песков.

Газета ВВС фронта «Сталинский сокол» за 23 августа писала:

«В течение всего дня 22 августа авиация противника несколько раз пыталась бомбить расположение наших войск, но, встреченная нашими истребителями, обращалась в бегство, сбрасывая бомбы куда придется.

Наши летчики сбили 6 истребителей и 2 бомбардировщика.

Отличились пилоты Рахов, Герасимов, Шалимов, Красноюрченко и летчик Шабашов.

Летчики-истребители под командой тов. Кравченко произвели штурмовые действия по войскам противника. В результате уничтожено много танков, легковых и грузовых автомобилей».

25 августа в районе озера Узур-Нур 65 истребителей 22-го полка вступили в бой с 80 вражескими самолетами. Схватка длилась 35 минут, уничтожено 26 вражеских машин, остальные в беспорядке покинули сражение. Одним из героев дня был майор Кравченко.

В газете «Сталинский сокол» за 29 августа напечатано:

«26 августа японцы не посмели поднять в воздух ни одного из своих побитых стервятников. А вечером подразделение тов. Кравченко демонстрировало над фронтом мощь советской авиации. Парадным строем с исключительным мастерством прошли боевые эскадрильи кравченковцев над вражеской территорией и над нашими победоносными войсками.

Во время всего пути туда и обратно летчики Герасимов и Кузьменко украшали парад победителей фигурами высшего пилотажа. Герасимов с правого фланга, Кузьменко с левого. Мастера воздушных боев показали друзьям и врагам, почему побеждают советские летчики. Быстро и красиво Герасимов и Кузьменко выполняли фигуры высшего пилотажа...

...В течение 28 августа наша авиация успешно штурмовала войска противника и его потрепанную авиацию на аэродромах.

В результате штурма летчиками уничтожено много автотранспорта и живой силы противника. При налете на японский аэродром истребителями сожжено 8 самолетов И-97 и 3 самолета «Дуглас», расстреляно 7 самолетов Р-27 и сожжен бензосклад».

29 августа радио принесло в далекую Монголию радостную весть. Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое

выполнение боевых заданий и выдающийся героизм майор Сергей Иванович Грицевец и майор Григорий Пантелеевич Кравченко вторично были удостоены звания Героя Советского Союза.

Это были первые дважды Герои Страны Советов.

В этот же день был опубликован и Указ о присвоении звания Героя Советского Союза еще 31 человеку. Среди них имена комкора Г. К. Жукова, командарма 2-го ранга Г. М. Штерна, комбрига М. П. Яковлева, полковника И. И. Федюнинского. Героями Советского Союза стали летчики 22-го истребительного авиационного полка: капитан Александр Иванович Балашов (посмертно), майор Николай Георгиевич Глазыкин (посмертно), батальонный комиссар Владимир Николаевич Калачев, старший лейтенант Леонид Александрович Орлов, старший лейтенант Виктор Георгиевич Рахов, старший лейтенант Витт Федорович Скобарихин, лейтенант Василий Петрович Трубаченко, старший лейтенант Виктор Феофанович Чистяков, старшина-пилот Антон Дмитриевич Якименко.

Командир 4-й эскадрильи 22-го ИАП А. И. Балашов был ранен в бою 10 июля разрывной пулей в живот. Он нашел в себе силы приземлиться на одной из площадок, был подобран и направлен в госпиталь. Рана оказалась смертельной, на третий день он умер.

Старший лейтенант В. Г. Рахов был также ранен 26 августа шальной пулей в живот и умер 29 августа в госпитале.

Трудно представить, что переживал Г. П. Кравченко, узнав одновременно о смерти задушевного друга и своего ученика Виктора Рахова и о высокой награде ему, Кравченко, и его соратникам, в том числе и В. Рахову. Радость была омрачена тяжелой утратой.

Когда в 22-м полку стало известно об Указах Президиума Верховного Совета СССР, комиссар полка В. Н. Калачев собрал на митинг весь личный состав. Первым выступил дважды Герой Советского Союза майор Григорий Пантелеевич Кравченко.

— В жестоких боях кто может мыслить о наградах? — начал он. — Защита Родины — твой священный долг. Но вот телеграф из далекой Москвы приносит радостную весть. Я от всей души, всем сердцем рад и счастлив, что награждены мои бойцы, девяти истребителям полка присвоено звание Героя Советского Союза. Храбрецы заслужили награду. Но славой своей полк обязан не отдельным выдающимся летчикам, а сотням самоотверженных людей. Будь ты непревзойденный ас, однако одиночки никогда не решат судьбы войны. Славой своей полк обязан всем без исключения беззаветным бойцам — летчикам, техникам, оружейникам. Это они завоевали победу. И всему полку я лично обязан тем, кем стал, получая самую высокую награду партии и

правительства.

31 августа вся монгольская земля была очищена от захватчиков.

Но и в сентябрьском небе воздушные бои продолжались. Особенно ожесточенной была схватка 15 сентября.

В этот день японцы произвели налет ста двадцатью самолетами. Они надеялись, что победы притупили бдительность наших воздушных бойцов, рассчитывали захватить врасплох и уничтожить советскую авиацию на аэродромах, взять реванш за огромные потери, которые понесли за три месяца боев.

Но наши летчики были на страже. Около 200 истребителей поднялось в воздух. Самураи потеряли более 20 самолетов. Это был авантюристический акт японской авиации, так как с 12 сентября уже шли переговоры о мире, а вечером 15 сентября мир был заключен.

Несмотря на сравнительно небольшие масштабы боев на Халхин-Голе, их историческое значение очень велико. Полученный здесь урок заставил японских империалистов временно отказаться от планов нападения на МНР и Советский Союз. Именно халхин-голские события, показавшие мощь Красной Армии, удержали Японию от нападения на дальневосточные рубежи нашей Родины в трудные 1941—1942 годы.

7 сентября группа Героев Советского Союза вылетела из района Халхин-Гола в Москву. Г. П. Кравченко сердечно простился с личным составом полка: жаль расставаться с верными друзьями. А их много, потому что сам он всегда был полон желания поддержать товарища, ободрить теплой шуткой, научить добру. Пришло это к нему еще в комсомольские годы, в Звериноголовском, и стало одной из ярких сторон характера.

9 сентября Герои Халхин-Гола прибыли в Москву. Их встречали представители штаба ВВС и близкие родные. В честь победителей был дан торжественный обед в Центральном Доме Красной Армии. У входа в зал Героев встречал маршал К. Е. Ворошилов. Он отечески обнял С. И. Грицевца и Г. П. Кравченко и посадил рядом с собой за стол.

Был поднят бокал за победу на Халхин-Голе. И за первых дважды Героев майора Грицевца и майора Кравченко.

Затем Климент Ефремович Ворошилов, поздравляя героев и их родных, подошел к столику, где сидели Пантелей Никитич и Мария Михайловна Кравченко и брат Григория Иван-младший. Иван встал. Климент Ефремович крепко пожал руки родителям Григория, поздравил их с награждением сына второй медалью «Золотая Звезда».

Обратился маршал и к стоящему Ване, ученику 9-го класса:

— Вижу, что это младший брат Григория Пантелеевича. Желаю вам быть летчиком.

— Буду летчиком, товарищ маршал, — выпалил Ваня.

Слово свое он сдержал. Окончив Качинскую авиационную школу пилотов в 1941 году, он героически защищал от врага небо Родины.

Наутро Григория Кравченко ожидал еще один приятный сюрприз. Позвонили из редакции «Известий» и зачитали телеграмму:

«Горячо приветствуем тебя, Гриша, получением высокой награды, гордимся твоим героизмом. Крепко жмем руку, крылатый богатырь! Твои друзья по учебе в Зверинке Шмаков, Тюфтин».

Указом от 17 ноября 22-й истребительный авиационный полк за героические бои на Халхин-Голе был награжден орденом Красного Знамени.

Вторым Указом (тоже за 17 ноября) летчики полка лейтенант Николай Васильевич Гринев, лейтенант Иван Иванович Красноюрченко, лейтенант Александр Петрович Пьянков были удостоены звания Героя Советского Союза, 285 их однополчан награждены орденами и медалями. Это были летчики, техники, оружейники, все, кто ковал славу полка.

Комкору Я. В. Смушкевичу вторично было присвоено звание Героя Советского Союза, Он стал третьим дважды Героем.

Фотографии

Гриша Кравченко, с. Звериноголовское Курганской обл. Май, 1925 г.

Братья Григорий и Федор (Федот) Кравченко. Григорий — курсант первой военной школы пилотов, Федор — студент Саратовского института советского строительства. Январь, 1932 г.

Герой Советского Союза майор Сергей Иванович Грищевец. Апрель, 1939 г.

Григорий Пантелеевич Кравченко — летчик-испытатель НИИ ВВС Красной Армии.

Герой Советского Союза С. И. Грицевец и Г. П. Кравченко на монгольской земле, район Халхин-Гола. Август, 1939 г.

Майор Г. П. Кравченко — командир первой эскадрильи, капитан К. М. Кузьменко, батальонный комиссар В. Н. Калачев. Монголия, район Халхин-Гола. Август, 1939 г.

Маршал МНР Х. Чойбалсан благодарит майора Г. П. Кравченко за успешные воздушные бои 22-го авиаполка против японских захватчиков. Халхин-Гол. Август, 1939 г.

Маршал МНР Х. Чойбалсан и Герой Советского Союза командир 22-го авиаполка майор Г. П. Кравченко, Халхин-Гол. Август, 1939 г.

Герои Халхин-Гола, перед вылетом в Москву в сентябре 1939 г. Слева направо: ст. лейтенант Л. А. Орлов, майор Г. П. Кравченко, майор С. И. Грицевец, полковник И. И. Душкин, комкор Я. В. Смушкевич, полковник И. А. Лакеев, полковник В. И. Шевченко (второй справа неизвестен).

Дважды Герой Советского Союза Григорий Пантелеевич Кравченко беседует с земляками, с. Голубовка Новомосковского района Днепропетровской обл. Октябрь, 1939 г.

Семья Кравченко (слева направо). Сидят: Федор Пантелеевич, Григорий Пантелеевич, Мария Михайловна, Пантелей Никитич, Иван Пантелеевич. Стоят: Анна Пантелеевна, Иван Пантелеевич (младший), Ольга Пантелеевна и Федор Пантелеевич (старший), Москва. Июнь, 1940 г.

*Командующий ВВС Прибалтийского особого военного округа
дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант
Г. П. Кравченко на аэродроме. Лето 1940 г.*

*Командир 215-й истребительной авиадивизии Г. П. Кравченко.
Волховский фронт. Февраль, 1943 г.*

Начальник штаба гвардейского минометного полка гвардии майор Федор Пантелеевич Кравченко, г. Вена, Австрия. Июнь, 1945 г.

Командующий ВВС Прибалтийского ОВО генерал-лейтенант Кравченко с группой летчиков. Слева от него старший лейтенант А. Алексеев, справа — младший лейтенант С. Устинов и лейтенант Ф. Елусов. Лето 1940 г.

Вернувшихся с Халхин-Гола Героев пригласили на прием в Кремль. И. В. Сталин, обращаясь к присутствующим, дал оценку обстановки, сложившейся в Европе, сказал о проблемах, возникших в связи с нападением Германии на Польшу.

Обстановка была сложной. «Союзники» Польши — Англия и Франция объявили войну Германии, но в действительности ничем не помогали полякам. Они смотрели со стороны, как Германия расправляется со страной, с которой они были связаны договором о взаимопомощи.

Английский историк Б. Питт так писал о политике Англии и Франции осенью 1939 года:

«По существу было похоже, что Франция и Англия... помогают Германии в расчистке восточных рубежей, чтобы создать возможность для приобретения «жизненного пространства» на Востоке, которое фюрер требовал с начала своей политической карьеры...»

Быстрое продвижение немецко-фашистских войск по польской территории на восток, угроза захвата ими Западной Украины и Западной Белоруссии выдвинули перед Советским Союзом задачу защиты западных украинцев и белорусов.

В связи с этим, говорил Сталин, мы даем вам, только что вернувшимся с Халхин-Гола, новое задание. Вероятно, вы даже полностью не представляете, как много вы сделали на Халхин-Голе. Япония запросила мира. Теперь надо помочь белорусским и украинским братьям. Мы готовимся к освобождению Западной Белоруссии и Западной Украины.

Многие летчики были командированы в Белорусский и Киевский особые военные округа советниками в авиабригады и авиадивизии. Г. П. Кравченко выехал в Киев, а С. И. Грицевец в Минск.

10 сентября в Минске состоялся Военный Совет. Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный поставил перед собравшимися командирами конкретные задачи. На заседании Совета присутствовал и С. И. Грицевец, назначенный советником в авиабригаду, стоявшую под Оршей.

После совещания командиры спешно отправлялись в свои подразделения. Офицеры Оршанской бригады вылетели в часть на своих истребителях.

Над аэродромом, где базировалась бригада, уже нависли

сумерки, но еще можно было произвести посадку без ночных огней. Грицевец приземлился, не делая круга над аэродромом, и стал рулить на нейтральную полосу. Здесь стояло несколько самолетов, возле которых работали техники.

В стороне от них собралась толпа народа.

Заметив финишера, Грицевец махнул ему рукой и спросил:

— Что случилось?

Красноармеец ответил, что на аэродром должен прилететь дважды Герой Советского Союза и люди вышли его встречать. В это время Грицевец заметил мчавшийся на него самолет. Полковник Хара шел на посадку вторым, но, видимо, не разглядел выложенную на аэродроме букву «Т» и сел с противоположной стороны. Его истребитель мчался прямо на Сергея. Грицевец схватил сектор газа, мотор взревел... Не хватило какой-то доли секунды. Самолеты столкнулись...

Не стало прославленного сокола, любимца летчиков Сережи Грицевца, большого друга Григория Кравченко. Человек, за свои тридцать лет столько раз глядевший в глаза смерти, сбивший в многочисленных ожесточенных схватках сорок два неприятельских самолета в Испании и на Халхин-Голе, погиб в мирное время от нелепой случайности.

Напористый, смелый, грозный в бою летчик, чуткий товарищ, жизнерадостный, душевный человек — таким он навсегда остался в памяти боевых друзей.

Майор С. И. Грицевец похоронен вблизи Балбасово. Там поставлен ему и бронзовый бюст.

17 сентября Советское правительство через посла в Москве вручило Ноту правительству Польши. В ней указывалось, что в силу сложившейся обстановки советским войскам отдан приказ перейти границу и взять под защиту население Западной Белоруссии и Западной Украины.

Части Красной Армии быстрым маршем шли на запад, почти не встречая сопротивления со стороны польских войск. Население восторженно встречало русских братьев. Еще до прихода советских воинов-освободителей трудящиеся городов и сел начинали создавать свои вооруженные силы — Рабочую гвардию и новые органы власти — революционные комитеты.

При всенародной поддержке Красная Армия к 26 сентября успешно завершила свою освободительную миссию.

На пути продвижения фашистских войск на восток был создан крепкий барьер. Попытки гитлеровцев захватить отдельные районы получили решительный отпор со стороны частей Красной Армии.

Советская авиация боевых операций в этом походе не вела, но

обеспечила отличную воздушную разведку. Майор Кравченко был советником авиадивизии, действовавшей в Западной Украине, на львовском направлении.

В конце сентября Григорий Пантелеевич был отозван из Киевского особого военного округа в Москву. Его назначили начальником отдела боевой подготовки истребительной авиации в Главном штабе ВВС РККА. Это была ответственная должность, но Кравченко знал, чему и как надо учить летчиков-истребителей, чтобы побеждать врага в небе.

Вскоре по приглашению земляков из села Голубовки и общественных организаций Днепропетровской области Григорий Пантелеевич побывал на родине. Состоялась церемония закладки фундамента под бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза.

После возвращения с Украины Г. П. Кравченко получил квартиру в Москве и вся семья переехала к нему. Сестра Ольга поступила в авиационный институт, Иван продолжал учиться в 9-м классе. Федор тоже переехал из г. Энгельса в Москву, его назначили заместителем ректора института руководящих работников Наркомторга СССР по научной и учебной части.

4 ноября 1939 года в Кремле состоялось знаменательное событие: впервые вручались медали «Золотая Звезда» всем Героям Советского Союза, удостоенным этого звания с момента его учреждения. Сюда собрались лучшие из лучших сынов и дочерей нашей Родины. Это они осваивали Северный полюс, дрейфовали на льдинах, совершали полеты через полюс в Америку, устанавливали рекорды дальности, скорости, высоты полетов, били фашистов в Испании и самураев на Дальнем Востоке.

Первым назвали Кравченко. Григорий Пантелеевич, волнуясь, по-военному четко, подошел к президиуму, и Михаил Иванович Калинин прикрепил две Золотых Звезды на его гимнастерку. Первая была за № 1, вторая за № 1 с маленькой римской двойкой.

Буря аплодисментов прокатилась по залу. А он, гордый и радостный, стоял перед людьми, чувствуя умом и сердцем, как высоко подняла его Родина и Советская власть. Он, сын пастуха, солдат Страны Советов, стоит на высшей ступени всенародного почета и славы.

От имени всех воинов — Героев Советского Союза Кравченко заверил партию и народ, что они с честью выполнят любое задание Родины, если даже за него потребуется отдать жизнь.

На следующий день «Комсомольская правда» опубликовала беседу корреспондента газеты с первым дважды Героем Советского Союза:

«Все мы, награжденные, несказанно благодарны

руководителям партии и правительства за величайшую заботу и внимание. С огромными победами приходит наша страна к XXII годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В этом году 7 ноября над Красной площадью впервые пролетит не одна, а две пятерки скоростных истребителей.

В составе моей пятерки — герои Халхин-Гола, участники освобождения народов Западной Белоруссии и Западной Украины.

Справа от меня полетит Герой Советского Союза майор Николай Семенович Герасимов, слева Герой Советского Союза майор Павел Терентьевич Коробков. На левом фланге будет лететь воспитанник комсомола старший лейтенант орденоседец Митрофан Петрович Нога и на правом фланге летчик-энтузиаст, горячо любящий свое дело, капитан-орденоседец Александр Андреевич Зайцев. Над Красной площадью мы пролетим на высоте 300 метров, сделаем крутую горку на большой скорости, с которой совсем недавно устремлялись на врага, поднимемся ввысь».

В нашей стране хорошо известны имена ведущих пятерок скоростных самолетов, пролетавших через Красную площадь во время воздушных парадов. Валерий Чкалов впервые провел свою пятерку истребителей над Красной площадью на Первомайском параде в 1935 году. Потом возглавляли пятерки Василий Степанчонок (1936 г.), Анатолий Серов (1937 г.), Степан Супрун (1938 г.). Менялись ведущие и состав пятерок, совершенствовались самолеты, но традиция оставалась.

10 ноября в информации «Правды» о параде и демонстрации трудящихся 7 ноября рассказывалось, что сотни летчиков были готовы показать Красной столице свое замечательное летное мастерство. Но погода помешала этому.

И все же, когда через Красную площадь проходили уже колонны демонстрантов, в несмолкаемую симфонию песен и приветственных возгласов ворвался рокот моторов. Прорвав тяжелый заслон низко нависших осенних облаков, над зданием бывшего ГУМа пронеслись две пятерки боевых самолетов.

Демонстранты приветствовали героев мощным «ура!» Дважды Герой Советского Союза майор Григорий Кравченко со своими ведомыми и Герой Советского Союза полковник Иван Лакеев с орденосносцами Якушиным, Антоновым, Смирновым и Николаевым, пролетев над площадью и сделав горку, исчезли в облаках.

В те дни в жизни Г. П. Кравченко произошло еще одно важное событие. Он был выдвинут и зарегистрирован кандидатом в депутаты Московского областного Совета депутатов трудящихся.

В конце ноября Г. П. Кравченко выехал в отпуск в Сочи. С ним были отец и мать. Туда же прибыли и друзья из 22-го ИАП — В. Н. Калачев, Л. А. Орлов и другие. Но отдыхать почти не пришлось. Боевая труба позвала в поход!

30 ноября 1939 года Финляндия объявила состояние войны с Советским Союзом. Правительства Англии и Франции спровоцировали финских реакционеров на вооруженный конфликт с СССР.

Г. П. Кравченко от себя и от имени группы товарищей летчиков, находившихся в Сочи, послал телеграмму маршалу К. Е. Ворошилову. В ней они просили разрешения выехать на фронт и принять участие в боях с белофиннами.

Через два дня пришел короткий ответ:

«Согласен. Выезжайте. Ворошилов».

Григорий Пантелеевич был назначен командиром особой авиагруппы. Штаб ее находился в городе Хаапсалу, на территории Эстонии, с которой СССР имел тогда соглашение о базах.

На новой должности качества Кравченко как командира и воспитателя проявились и развернулись с еще большей силой. Полковник Кравченко в сложных условиях зимы сумел наладить четкую боевую деятельность полков и эскадрилий. Сильные морозы и снегопады, частая облачность создавали трудную летную обстановку. И все же летчики с честью выполняли боевые задания. Они громили укрепления врага, взрывали мосты, по которым шли к фронту военные грузы и техника.

И в боевой обстановке Кравченко не забывал своих старых друзей. 15 декабря, в годовщину гибели Чкалова, в «Красной Звезде» появилась статья, написанная Григорием Пантелеевичем. Она называлась: «Наш Валерий».

Вот ее содержание:

«В большой и дружной летной семье даже самые молодые хорошо знают этого человека с ясным умом и хорошим сердцем.

Про Валерия говорили, что он горит на работе. Удивительное хладнокровие, стальные нервы и в то же время пылкий энтузиазм. Огромную волю, умение идти на риск Чкалов сочетал с отличным знанием дела и высоким мастерством.

Многие летчики учились у Чкалова искусству

побеждать противника. Летчики-истребители никогда не забудут бесстрашной чкаловской лобовой атаки. Мы, военные летчики, часто применяли и применяем в боевых действиях чкаловское спокойствие и упорство.

Не выдерживая стремительного натиска наших истребителей, противник всегда сходил с пути.

Место Чкалова в боевых рядах заняли новые легионы отважных сынов Родины. Энергия Чкалова, его бесстрашие, мужество воплотились в наших делах.

Имя Чкалова звучит в грозном рокоте наших эскадрилий.

Валерий Чкалов олицетворял нашу беззаветную любовь к Родине, безграничную преданность партии большевиков.

Когда настанет час тревоги, тысячи советских патриотов сядут за штурвалы боевых машин и скажут словами Валерия: «Наша жизнь безраздельно принадлежит Родине».

Когда и где угодно мы будем кровью защищать великое счастье, завоеванное миллионами людей, живущих в стране социализма. И по-чкаловски будем громить врагов».

В короткой статье Кравченко сумел выразить искреннюю любовь к знаменитому летчику, к своему учителю.

В разгар войны за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество полковник Г. П. Кравченко был награжден орденом Красного Знамени. В феврале Григорию Пантелеевичу было присвоено звание комбрига.

«Однажды шестерку бомбардировщиков вел к цели капитан Лакатанов. Слева от него шло звено капитана Трусова. С высоты 800 метров земли не было видно. Решили лететь над облаками. Однако отбомбились отлично.

Самолеты легли на обратный курс. Неожиданно левый ведомый Трусова старший лейтенант Мазаев почувствовал сильный толчок. Машину подкинуло вверх.

— Все целы? — крикнул Мазаев.

— Правая плоскость горит, — доложил стрелок-радист Пономарев.

Трусов повернул голову влево. Мазаева не было, но летчик увидел, что далеко впереди горит машина

Мазаева. Он увеличил скорость, но густые облака скрыли горящий самолет.

Трусов прорвался через облако. Снова видит Мазаева, огонь охватил правый мотор самолета. Зенитки врага ведут по нему бешеный огонь. Мазаев заметил большое озеро, решил дотянуть туда и сесть. Тут он увидел сбоку и сзади наши самолеты. Они кружили над ним и покачивали крыльями. Они охраняли с воздуха подбитую машину. Мазаев сел на лед.

Финны вылезли из окопов, открыли пальбу и побежали к горящему самолету. Но с воздуха по ним ударили пулеметы. Враги бросились назад в окопы и оттуда открыли огонь. Под градом пуль находились на льду три отважных летчика.

Трусов не раздумывая идет на посадку. Такой дерзости белофинны не ожидали. С новой силой они открыли огонь. Трусов мастерски сел недалеко от бегущих товарищей. «Двое в кабину стрелка-радиста, один в бомбовой отсек», — скомандовал он.

Враги неистовствуют. Трусов дает газ. Самолет не двигается, примерзли лыжи. Летчик энергично шурует рулями, машина раскачивается, идет вперед, несколько раз ударяется хвостом об лед и, наконец, отрывается. Внизу чернеет догорающий самолет Мазаева.

Бесстрашный капитан делает разворот над озером и пристраивается к своим товарищам. Такова нерушимая фронтовая дружба. Этот подвиг взволновал всех летчиков фронта»^[17].

Михаил Трофимович Трусов Указом Президиума Верховного Совета СССР был удостоен звания Героя Советского Союза.

Когда Кравченко узнал о подвиге Трусова, он посоветовал комиссару бригады:

— Давай, комиссар, выпустим листовку. Хотя Трусов не из нашей бригады, но пример замечательный. Кто будет писать, пусть обязательно вспомнит подобный подвиг дважды Героя Советского Союза Сергея Грицевца.

Красная Армия наносила врагу удар за ударом, а 9 марта штурмом был взят Выборг.

Финляндия запросила мира. И договор был заключен.

Граница между СССР и Финляндией была отодвинута на север, чтобы оградить Ленинград от случайностей. Древний русский город Выборг стал советским.

После заключения мира с Финляндией, Г. П. Кравченко

прибыл в распоряжение начальника ВВС РККА. Ему поручили работу, связанную с событиями, происходящими в Прибалтике. Фашистская Германия, поработив Польшу, имела в дальнейшем цель обосноваться и в Прибалтике. Эта угроза с каждым днем усиливалась.

Трудящиеся прибалтийских республик выражали крайнее недовольство политикой своих правительств, готовых ради сохранения господства буржуазии стать вассалами Германии, предоставить ей плацдарм для похода против СССР.

В Литве, Латвии и Эстонии шло брожение народных масс, развернулась борьба за демократизацию политической жизни.

Для обеспечения безопасности наших малочисленных гарнизонов на базах в Прибалтике правительство СССР сочло необходимым ввести на них дополнительные воинские части. Правительства Литвы, Латвии, Эстонии приняли эти предложения.

Особая авиабригада оставалась в Эстонии. Для нее стали строиться аэродромы на островах Балтийского моря. В Литву вошел кавкорпус из знаменитых дивизий армии Буденного под командованием комкора Еременко. Укреплялись авиационные и военно-морские базы.

Г. П. Кравченко работал по укреплению авиабаз и аэродромов на территории Прибалтики. Это требовало организаторских способностей, энергии, знания дела. За умелое руководство в апреле 1940 года ему было присвоено звание комдива.

Вскоре народы прибалтийских стран взяли власть в свои руки и выразили желание жить одной семьей с народами СССР. В июле 1940 года все прибалтийские республики вошли в состав Советского Союза как равноправные сестры.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1940 года в Красной Армии вводились генеральские и адмиральские звания во всех родах войск.

Решением правительства эти звания были присвоены многим талантливым военачальникам. Григорий Кравченко стал генерал-лейтенантом авиации. Ему шел тогда 28-й год. Ни в одной армии мира не было такого молодого авиационного генерала.

Стремительное повышение по службе не вскружило голову герою-летчику. Он оставался простым и доступным, как и в первые годы службы в авиации.

В июле 1940 года Кравченко и Смушкевич приехали инспектировать 16-й истребительный полк. Летчики выстроились у машин, так как готовились к полетам. Заметив в строю Георгия Приймук и Александра Пьянкова, участников боев на Халхин-Голе, Кравченко и Смушкевич, отбросив все условности,

бросились обнимать их по-дружески; затем шутили, вспоминали о друзьях-товарищах.

«Кравченко остался таким же своим и близким человеком, как и на Халхин-Голе. Крупные звезды в петлицах не отодвинули его от простых летчиков», — вспоминает Георгий Приймук.

Во второй половине июля 1940 года был образован Прибалтийский особый военный округ. Нужно было создать оборону западной границы на берегах и островах Балтийского моря. Г. П. Кравченко, поработавший уже над устройством дел в Прибалтике, был назначен командующим Военно-Воздушными Силами Прибалтийского особого военного округа.

Вопросу укрепления обороны Прибалтики в условиях расширения фашистской агрессии в Европе придавалось исключительное значение.

В армии, авиации и на флоте было много талантливых офицеров и генералов без должной специальной подготовки. При академии Генерального штаба РККА были созданы курсы усовершенствования высшего начальствующего и командного состава.

Кравченко попросил о зачислении его на эти курсы. Они могли открыть ему путь для поступления в Академию Генштаба. В первых числах декабря он прибыл в Москву, на учебу.

На фронтах Великой Отечественной

20 июня 1941 года Григорий Пантелеевич успешно окончил курсы при Академии Генштаба РККА и был зачислен слушателем Академии.

О начале войны он узнал рано утром 22 июня, находясь на даче в Серебряном бору.

В тот же день Г. П. Кравченко был направлен в распоряжение командующего ВВС Белорусского особого военного округа. Перед вылетом он заехал домой проститься с родителями, с сестрой Ольгой и Федором-младшим.

Рано утром 23 июня Пантелей Кравченко (отец Григория) принес Николаю Константиновичу Орлову записку от сына.

Капитан Орлов был адъютантом помощника начальника Генштаба Я. В. Смушкевича. Но поскольку Смушкевич лежал в больнице, Орлов оказался не у дел. В записке Григорий Пантелеевич писал Орлову, чтобы тот искал его в отделе кадров ВВС Белорусского военного округа.

Явившись в отдел кадров Генштаба, Орлов попросил откомандировать его в распоряжение генерала Г. П. Кравченко. 24 июня Орлов получил назначение в 11-ю смешанную авиационную дивизию на должность начальника оперативного отдела штаба, 25 июня он выехал в район Могилева.

В Рославле Орлов и большая группа офицеров различных частей были на совещании, где член ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко информировал об обстановке на фронте, сложившейся на 27 июня, и рассказал о задачах фронта и тыла.

В отделе кадров ВВС Западного фронта Орлова назначили адъютантом генерала Кравченко, ставшего командиром 11-й смешанной авиадивизии. В первый день войны она понесла большой урон, но и сама уничтожила до 50 самолетов врага. Командир дивизии погиб 23 июня. Оставшийся личный состав отходил на восток. Трагически погибла и группа политработников дивизии. Они ехали в машине и ночью оказались в колонне немецких танков. Попытались скрыться в лесу, но были замечены и обстреляны. В живых остался всего один человек. Он добрался до своих и доложил о случившемся.

Орлов вспоминает, что в ночь на 28 июня на Могилевском аэродроме шла интенсивная боевая работа. Бомбардировщики вылетали на задания, истребители охраняли аэродром или бомбардировщиков в воздухе.

Немецкие самолеты то и дело пытались напасть на нас, но их

всякий раз встречали истребители И-16 пушечные и МИГ-3. Фашистам так и не удалось нанести прицельный удар по аэродрому.

Начальник штаба 11-й дивизии полковник Воробьев и капитан Орлов выехали на машине 28 июня в район Климовичи (в 100 км восточнее Могилева).

Ехали ночью, не включая фар, но шофер хорошо знал Могилевскую область и уверенно вел машину.

Дорога проходила через лес, густо набитый войсками. В одном месте неожиданно поднялась стрельба: то ли немцы забросили диверсантов, то ли своих за врага приняли. К рассвету прибыли к месту базирования штаба дивизии.

1 июля первым прилетел на площадку командир 4-го штурмового авиаполка майор Семен Григорьевич Гетьман. Тут уже были генерал Кравченко и капитан Орлов. Они разложили посадочное полотнище, стали ждать самолеты.

С. Г. Гетьман вспоминает, что он полетел после того, как отправил полк по группам на боевые задания с аэродрома близ Быхова и приказал возвращаться уже в район Климовичи.

Самолеты ИЛ-2 благополучно приземлялись. Их быстро маскировали. Но тут ударил ливень и несколько самолетов из-за плохой видимости пошли на вынужденную посадку. Их потом разыскали, и они все благополучно прибыли на аэродром.

Прилетевшие летчики 4-го штурмового авиаполка увидели Г. П. Кравченко возле самолета У-2. На нем коверкотовая гимнастерка с тремя звездами в петлицах, перехваченная широким ремнем. Над левым карманом две медали «Золотая Звезда» Героя, пять орденов. Он стоял без фуражки.

Встреча в июльский день 1941 года в прифронтовом лесу с дважды Героем Советского Союза, молодым генерал-лейтенантом авиации была неожиданной, удивляла.

— Кто это? — спрашивали друг у друга. Ведь дважды Героев в стране было всего четверо. И летчики могли не знать, что С. И. Грицевец погиб, Я. В. Смушкевич в начале войны подвергся несправедливому аресту, а С. П. Денисов, начальник Качинской авиашколы пилотов, находился в Крыму.

Майор Гетьман построил летчиков. Генерал Кравченко представился:

— Я назначен командиром 11-й смешанной авиадивизии, а 4-й штурмовой полк входит в ее состав. Надеюсь, что 4-й штурмовой будет так же отважно сражаться с немецко-фашистскими захватчиками, как сражается в эти дни.

Настроение у летчиков поднялось. Было радостно сознавать, что их командир — тот самый прославленный воздушный ас,

который успел уже повоевать и в Китае, и на Халхин-Голе, и в финскую кампанию.

В последующие дни в состав 11-й авиадивизии на разные аэродромы в район Климовичи прибыли полк легких бомбардировщиков на ПЕ-2 и полк истребителей на И-16 пушечных.

В дальнейшем полки менялись, прибывали и убывали на переформирование (ввиду больших потерь из-за постоянных жарких боев в воздухе и на земле). Бывало и так, что к возвращению самолетов с задания аэродром оказывался уже в руках врага.

Кравченко с рассвета и до рассвета находился на аэродромах, лично руководил боевыми действиями полков, сам ставил боевые задачи.

Автомобиль служил ему «пунктом управления на колесах». Как вспоминает С. Г. Гетьман, Кравченко подробно интересовался обстановкой, в которой полк вел боевые действия, каждым вылетом и его результатом.

Командир дивизии был всегда на виду, с людьми, часто беседовал с летчиками.

— Выше голову, орлы! Еще немножко, и мы начнем им хребет ломать! — говорил он. — И машины у нас будут новейшие, современные.

Кравченко находил время и для бесед с личным составом аэродромного обслуживания. Это было так необходимо в период отступления, при страшной физической и моральной нагрузке, обрушившейся на людей.

4-й штурмовой авиаполк прилетел на фронт из района Богодухова, Харьковской области и начал свою боевую работу 28 июня. Этот авиаполк был первой частью, принявшей в самый канун войны на вооружение и осваивающей теперь в боях самолеты-штурмовики ИЛ-2, ставшие впоследствии знаменитыми. Они несли реактивные снаряды, бомбовый груз, имели пушки.

Герои летчики на новых машинах наносили большой урон противнику. Они громили колонны фашистских танков, автоколонны с пехотой и грузами.

Фашисты уже с первых дней войны впадали в панику при виде ИЛ-2. У нашей пехоты эти самолеты получили меткие названия «летающий танк», «небесная артиллерия».

В первые дни боев 4-й штурмовой полк помог задержать передовые части групп армий «Центр» на реке Березине. В истории полка записано:

«Полк уничтожил девять переправ на реке Березине,

препятствовал форсированию реки противником в течение трех суток. За эти действия командующий фронтом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко объявил благодарность всему личному составу»^[18].

5 июля полк летал во главе с майором С. Г. Гетьманом на штурмовку Бобруйска. Разведка доложила, что там большое скопление самолетов. «Как на выставке стоят», — говорили разведчики.

Вот как описывает эту операцию Герой Советского Союза Василий Емельяненко:

«Штурмовому полку предстояло нанести удар по бобруйскому аэродрому. Впервые ставилась такая задача.

По наблюдениям летчиков и данным разведки, там в эти дни сосредоточилось несколько авиационных эскадр. Самолеты стоят без всякой маскировки в несколько рядов, почти вплоты друг к другу. И вообще фашисты чувствуют себя там в полной безопасности, как дома.

Командир полка сидел в землянке и уяснял боевую задачу. Ведь одним ударом по самолетам на стоянках можно нанести авиации противника такой урон, какого иными средствами нельзя добиться даже за длительный срок.

Да, самолеты на аэродроме — цель очень заманчивая. За одну штурмовку можно их столько накрошить, если...

И тут начинает цепляться одно за другое множество «если», над которыми сейчас и думает командир полка.

Может случиться и так: штурмовики подойдут к Бобруйску, а там никакой «авиационной выставки» нет и в помине — только опустевшие стоянки... У авиации ведь режим как у птицы: с рассветом — все на крыло, а в гнездо только к вечеру. Значит, чтобы не прилетать на опустевший аэродром, надо опередить противника. Поэтому генерал Кравченко и приказал нанести удар на рассвете. Выходит, что самим надо взлетать затемно. Но вот загвоздка: на штурмовиках в ночное время еще никто не летал. Что ж, придется отобрать самых опытных пилотов.

До рассвета зарокотали моторы. Из выхлопных патрубков заструилось багровое пламя. Оторвавшись от земли, летчики отыскивали ушедшие вперед самолеты по навигационным огням. Не доходя до Березины

Гетьман, а вслед за ним и остальные летчики выключили навигационные огни.

При подходе к Бобруйску штурмовики пошли ниже. Слева по курсу видна взлетная полоса, по обе стороны от нее плотными рядами поблескивают самолеты. Ведущий с заворотом пошел в атаку.

Из-под крыльев штурмовиков дымным росчерком рванули «эрэсы», короткие вспышки мелькнули в рядах бомбардировщиков. Полыхнул огонь, закувыркались обломки. Понеслись пулеметно-пушечные трассы, кромсая крылья с черными крестами. А у самой земли от штурмовиков отделились бомбы. От их взрывов запылали «Юнкерсы» и «Мессершмитты», подготовленные к боевому вылету.

Полк трижды штурмовал бобруйский аэродром в этот день.

В результате налетов штурмовиков было уничтожено двадцать три «Юнкерса» и сорок семь «Мессершмиттов». Это была большая победа полка»^[19].

Около 10 июля дивизия перебазировалась: 4-й полк — в Ганновку, другие полки в район города Хотимска. Через несколько дней из-за наступления врага — снова перебазирование: в Костюковичи, в Каничи.

И снова, сдерживая наседающих фашистов, бомбили мосты на реках Днепр и Сож, штурмовали колонны танков и били по живой силе противника. По несколько боевых вылетов ежедневно. Так работали штурмовые и бомбардировочные полки. Истребители вели воздушные бои, прикрывая ИЛ-2 и ПЕ-2.

Прошло около полутора месяцев, как дивизия находилась в непрерывных боях. 14 августа 4-й штурмовой передавал на аэродроме Бельковичи соседнему полку уцелевшую технику и уходил пешим порядком на переформирование. Из 65 самолетов в полку осталось только три исправных. Таковы были потери. Но полк свою задачу выполнил. Летчики нанесли огромный урон врагу и приобрели боевой опыт на ИЛах, которые начали поступать на вооружение.

Генерал Кравченко прощался с полком. Обращаясь к командиру полка майору Гетьману, он сказал:

— Вернешься ко мне, Семен Григорьевич?

— Обязательно! — пообещал Гетьман. Они не могли тогда предполагать, что вскоре будут формироваться уже не смешанные дивизии, а отдельные штурмовые, бомбардировочные, истребительные.

4-й штурмовой полк после укомплектования материальной частью, был направлен на другой фронт и в другую дивизию.

Но Кравченко помнил о нем. Он потребовал срочно представить списки на награждение летчиков 4-го штурмового полка, отличившихся в боях на Западном фронте с 28 июня до середины августа.

Наградные листы были составлены еще в Ганновке, но во время бомбежки штаба дивизии сгорели.

Пришлось все делать заново.

В газетах «Правда» и «Красная Звезда» за 5 октября 1941 года были опубликованы два Указа Президиума Верховного Совета СССР. Один — о награждении 4-го штурмового авиаполка высшей правительственной наградой — орденом Ленина. Второй — о присвоении звания Героя Советского Союза командиру полка майору Семену Григорьевичу Гетьману. Орденами и медалями за боевые дела на Западном фронте были награждены тридцать два летчика и техника полка.

В газете «Красная Звезда» была напечатана статья «Полк Героя Советского Союза майора. Гетьмана». В ней говорилось:

«Эту высокую награду полк заслужил самоотверженной героической борьбой с фашистами. Почти с самого начала войны он участвует в боях. Полк имеет 600 боевых вылетов. А каждый вылет штурмового полка — это сокрушительный удар по вражеской авиации, мотомехвойскам, по пехоте и коммуникациям.

Штурмовиков 4-го полка, как огня, боялись немецкие стервятники. За время боев летчики тов. Гетьмана уничтожили на аэродромах 100 фашистских самолетов. 4-й авиаполк — это гроза для немецких танков. Он разбил 140 танков, много броневиков. Славные летчики уничтожили кроме того 25 орудий, 30 зенитных точек, 500 автомашин с пехотой, с разными военными грузами, 48 автомашин с боеприпасами и горючим. Большая заслуга в замечательных победах полка принадлежит его командиру Гетьману. Мужественный и храбрый командир, участник войны с белофиннами, лично ведет своих соколов в бой, на деле показывает пример честного и беззаветного служения Родине».

Позднее, в марте 1942 года, 4-й авиаполк стал гвардейским и получил наименование: 7-й гвардейский штурмовой авиаполк. В двадцатых числах июля 1941 года Григорий Пантелеевич узнал о героической гибели своего друга Степана Павловича Супруна.

Степан Супрун был исключительно талантливым испытателем самолетов. За время работы в НИИ ВВС он летал на самолетах 140 типов. Многому научился у своего наставника Валерия Чкалова и щедро передавал свой опыт другим.

В мае 1940 года Степану Супруну было присвоено звание Героя Советского Союза за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом отвагу и героизм.

На финском фронте Супрун испытывал в боевых условиях новые истребители. Когда началась Великая Отечественная война, он был в Крыму: как депутат Верховного Совета СССР выступал с отчетом перед избирателями.

24 июня 1941 года, завершив испытание истребителя ЯК-1, Супрун в испытательном акте написал:

«С такими истребителями никакие «Мессершмитты» не будут нам страшны».

С. П. Супрун настойчиво просил, чтобы ему разрешили сформировать полк особого назначения из летчиков-испытателей. Они в боевых условиях должны были продолжить испытания новейших самолетов МИГ-3 и ЯК-1. 401-й истребительный полк особого назначения был сформирован и 30 июня перебазировался под Витебск. При отлете С. П. Супрун написал родным:

«Дорогие мои! Сегодня улетаю на фронт защищать свою Родину, свой народ. Подобрал себе замечательных летчиков-орлов. Приложу все свои силы, чтобы доказать фашистской сволочи, на что способны советские летчики. Вас прошу не беспокоиться. Целую всех. Степан».

Боевая жизнь полка началась сразу же по прилете на прифронтовой аэродром. Летел немецкий разведчик. Супрун поднялся на перехват врага. МИГ-3 имел скорость 625 км в час, и Степан мгновенно поднялся выше вражеского самолета, зашел ему в хвост со стороны солнца. Разведчик спокойно шел прежним курсом. Только когда Супрун пошел в атаку, фашистский стрелок открыл огонь, но было уже поздно: очередь советского летчика сразила гитлеровца. Разворот и снова атака. Вражеский самолет вспыхнул, пошел к земле.

Потом полк особого назначения громил скопления фашистских войск на переправах. В один из июльских дней летчики полка сбили семь вражеских самолетов, не потеряв ни одного.

На разборе первых боев Супрун говорил, что фашисты ничего нового еще не придумали. Машины те же. Правда, пока у них самолетов больше. Но наши заводы с каждым днем увеличивают выпуск новых машин, которые превосходят гитлеровские. Так что у нас есть полная возможность побеждать.

За короткое время С. П. Супрун сбил четыре самолета. 4 июля эскадрилья, успешно выполнив боевое задание, возвращалась на свой аэродром. Степан, принимавший участие в полете, отделившись от группы, решил провести на своем МИГ-3 дополнительную разведку для следующего вылета.

Неожиданно навстречу ему вынырнули из облаков два «Юнкерса» и четыре «Мессершмитта». Супрун отважно атаковал фашистов, сбил одного из них, но силы были неравными.

До обидного короткой оказалась ратная жизнь Степана Супруна. Но имя его, как знамя, осеняло полк на протяжении всей войны, звало летчиков на подвиги, вселяло в них мужество, рождало ненависть к врагу и непреклонную волю к победе.

В донесении бывшего командира 23-й авиадивизии В. С. Нестерцова указывалось, что Степан Супрун погиб в районе города Толочин, Витебской области. Позднее стало известно, что Супрун был захоронен в лесу 4 июля 1941 года двумя колхозниками деревни Сурневка. После войны могилу долго искали. Лишь летом 1960 года удалось найти место гибели Супруна и остатки его самолета.

Останки Супруна перевезены в Москву и захоронены на Ново-Девичьем кладбище. Указом Президиума Верховного Совета СССР 22 июля 1941 года С. П. Супрун вторично был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно. Он был пятым дважды Героем. Бронзовый бюст С. П. Супруна возвышается в городе Сумы.

Фашисты остервенело рвались к Москве. Их танковые армады делали глубокие опасные прорывы.

Из Каничей авиадивизия перебазировалась в Мглин. Но немцы быстро обнаружили аэродром. «Мессершмитты» атаковали его, сожгли санитарную машину, один техник был убит и несколько человек ранено. Генерал Г. П. Кравченко, полковой комиссар И. И. Соколов и новый начальник штаба дивизии майор Гудков были на аэродроме в момент налета.

Немцы заняли Мглин. Дивизия срочно перебазировалась в район города Погар. Только благодаря умелому руководству Г. П. Кравченко наземные подразделения его дивизии не оказались в плену.

Однажды колонна машин дивизии заехала на станцию Унеча. Девять «Юнкерсов» начали ее бомбить. Во главе колонны ехал

Кравченко. Его умелые действия помогли и здесь. Прибыли на новый аэродром. Звонит телефон. Телефонистка со станции Унеча сообщает, что там уже фашисты. Кравченко, выслушав девушку, крикнул в трубку:

— Вас понял. Прячьтесь!

— За нас не беспокойтесь! Бейте гадов, — ответила патриотка.

Самолеты дивизии Кравченко подвергли штурмовке двор и здание почты в Унече, где действительно было много немецких машин и солдат. Все уничтожили реактивными снарядами.

19 августа был образован Брянский фронт. 11-я авиадивизия вошла в его состав.

В ноябре была сформирована ударная авиагруппа. Ядром ее стала 11-я авиадивизия. Авиагруппа входила в оперативное подчинение 3-й армии. Это было временное формирование. Командовал авиагруппой генерал Г. П. Кравченко.

В конце ноября разведчики установили, что по шоссе Скопин — Рязск к фронту движутся колонны моторизованной дивизии немцев. Авиагруппа Кравченко нанесла удар по этим колоннам. Пять дней летчики штурмовали мотодивизию. В результате она была разгромлена, деморализована и выведена на переформирование.

Летчикам, принимавшим участие в этих действиях, Военный Совет фронта объявил благодарность, 27 человек были представлены к правительственным наградам.

Дороги войны свели на Брянском фронте Григория Пантелеевича с бывшим своим командиром по НИИ ВВС Петром Михайловичем Стефановским.

П. М. Стефановскому поручили прикрыть с воздуха разгрузку на станции Рязск ста пяти воинских эшелонов 61-й резервной армии. Летчики должны были патрулировать вдоль железной дороги на участке Кораблино — Рязск — Богоявленск и отбивать все попытки врага помешать выгрузке войск. Для проведения этой операции корпус ПВО выделил полк МИГов и два полка Яков.

«Прилетели на заданный аэродром, — вспоминает Стефановский. — К моему МИГу подкатывает «эмка». Шофер лихо докладывает: «Начальник гарнизона генерал-лейтенант авиации Кравченко просит Вас прибыть к нему на командный пункт». Ознакомившись с моей задачей, Григорий Пантелеевич остался весьма доволен нашим соседством. Сам он тогда командовал сильно поредевшим в бесконечных боях авиасоединением и нуждался в прикрытии аэродрома от

налетов гитлеровцев.

«Обстановка здесь весьма неутешительная, — говорил Григорий Пантелеевич. — Немцы обошли Тулу с юго-востока и двигаются на Каширу. Так-то, Петр Михайлович»^[20].

В декабре 1941 года началось наступление советских войск. Стояли сильные морозы. Летчики много летали, но подвоз горючего, боеприпасов и другого снаряжения был затруднен. В последних числах декабря Кравченко дал задание капитану Орлову найти затерявшийся где-то на проселках транспорт с горючим. Для поисков Кравченко дал свой самолет, который Герою подарили уральские рабочие. Капитан Орлов кружил на небольшой высоте в направлении Ельца, когда налетевший «Мессершмитт» подбил самолет. Летчик не пострадал, благополучно сели на снег, но Орлов при посадке сильно стукнулся о приборную доску.

Пользуясь попутными машинами, Орлов все-таки отыскал транспорт с горючим и доставил его на аэродром.

В последних числах декабря потрепанные в боях фашистские части под напором советских войск отступили. Были освобождены Елец и Ефремов.

Авиагруппа перебазировалась в Ефремов. Здесь авиаторы встречали Новый 1942 год.

Как вспоминает Ф. С. Гудков, ныне генерал-лейтенант в отставке, на новогоднем вечере Григорий Пантелеевич выступил с речью. Каждое его слово было продумано, дышало уверенностью в победе над врагом, призывало к стойкости в борьбе, воодушевляло на новые боевые дела.

Во время январских боев 1942 года на подступах к Мценску основная тяжесть борьбы в воздухе легла на авиационные части, которыми командовал Г. П. Кравченко. В это время в авиагруппе было всего 109 исправных самолетов. Авиагруппа взаимодействовала с 3-ей армией и славилась не только своими боевыми делами, но и умением хорошо вести разведку. Занимались этим все летчики. Идет ли экипаж на бомбометание, патрулирует ли в воздухе, он обязательно наблюдает за землей. Именно экипажи авиагруппы Г. П. Кравченко сообщили ценные сведения о подвозе противником в район Курска большого количества цистерн с горючим, боеприпасов, о перемещении немецких войск.

С июня 1941 года Григорий Пантелеевич в боевых вылетах не участвовал. Слишком много было организационных дел на земле. Нужно было руководить полками, иметь тесную связь с

наземными войсками, чтобы осуществлять взаимодействие. Он часто находился на КП командующего 3-ей армией.

В феврале 1942 года в армиях была учреждена должность командующего ВВС. В 3-ей армии командующим авиацией был назначен Г. П. Кравченко. Затем эту должность упразднили, и Кравченко был назначен командующим Ударной группой № 8.

В боевой характеристике на генерал-лейтенанта авиации Г. П. Кравченко, подписанной командующим Брянским фронтом генерал-полковником Еременко, записано:

«За период работы в военно-воздушных силах Брянского фронта авиачастями Г. П. Кравченко уничтожено: самолетов в воздушных боях — 27, танков — 606, автомашин с пехотой и военными грузами — 3199, зенитные точки, артиллерийские батареи, минометы, переправы и т. д.»^[21].

Вскоре Григория Пантелеевича приказом Ставки зачислили в распоряжение командующего ВВС КА. Он принимает участие в формировании новых авиадивизий. Страна уже способна была дать ВВС новейшие самолеты ЯК-1, МИГ-3, ЛАГГ, ИЛ-2 и другие во все возрастающем количестве. С весны 1942 года на фронтах появились военно-воздушные армии.

Кравченко поручили сформировать 215-ю истребительную авиадивизию в районе Москвы, а 23 июля 1942 года он был назначен на должность командира этой дивизии. Формирование включает в себя не только сбор личного состава по штатному расписанию, но и оснащение соединения соответствующей техникой, материальной частью, мастерскими, транспортом. И особенно важно обучение личного состава летному мастерству. На все это нужно время, талант и труд.

Г. П. Кравченко проявил себя как способный организатор и воспитатель.

Осенью 1942 года не вернулся из боевого вылета лейтенант Иван Кравченко. Узнав о случившейся с братом беде, Григорий Пантелеевич связался по телефону с майором Г. Ф. Приймук, заместителем командира 16-го истребительного полка. Приймук вспоминает:

«Я сообщил что после воздушного боя с немецкими самолетами Ю-88 Иван Кравченко не возвратился на аэродром. При опросе участников боя выяснилось, что они видели, как из подбитого истребителя выбросился летчик и раскрыл парашют. Снижение было нормальным. Летчик приземлился в лесу. Я сказал

Григорию Пантелеевичу, что сразу же отправил группу товарищей на поиск Ивана, и мы уверены, что в скором времени его должны отыскать. Кравченко поблагодарил за информацию и принятые меры и попросил о результатах поиска сообщить ему.

Потом он спросил, знаю ли я о том, что наш бывший комиссар Калачев погиб? Я слышал об этом, но подробностей не знал, и Григорий Пантелеевич рассказал мне об этом. Потом он поинтересовался, как мы используем опыт Халхин-Гола в боях против фашистской авиации, посоветовал лучше передавать его молодым, пожелал успехов».

Ивана нашли через три дня, отправили в госпиталь в Москву. Он был ранен в плечо. После лечения ему предоставили краткосрочный отпуск и он выехал на Волховский фронт к Григорию Пантелеевичу.

215-я истребительная дивизия с первых чисел ноября 1942 года вела бои на Калининском фронте в составе 2-го истребительного авиационного корпуса резерва Ставки главного командования. Летчики набирались боевого опыта. На счету дивизии уже числились десятки сбитых Фашистских машин.

В это время Г. П. Кравченко узнал о гибели друга Дмитрия Леонтьевича Колораша. Они вместе служили в отдельной истребительной эскадрилье особого назначения, а также испытывали самолеты в НИИ ВВС. Колораш был талантливый летчик-испытатель, верный товарищ.

На фронт Колораш попал в июне 1941 года, будучи заместителем командира 402-го истребительного авиационного полка особого назначения, которым командовал П. М. Стефановский.

Военная судьба забросила майора Колораша на Кавказское побережье Черного моря.

В октябре 1942 года Колораш стал командиром истребительного авиаполка. Но недолго герою пришлось водить своих соколов в жаркие бои. 29 октября, выполняя боевое задание, Колораш в районе станции Лазаревская обнаружил вражеские самолеты. Советский ас уничтожил две немецкие машины, но в воздухе появились четырнадцать «Мессершмиттов». И Колораш принял бой. Силы были слишком неравны. Все чаще прошивали его машину вражеские пулеметные очереди.

Наконец фашистам удалось серьезно ранить и самого летчика. Из глубокого пикирования он свечой взвился в поднебесье и устремил свою покалеченную, но еще грозную

машину на вражеский самолет. Он ударил прямо по пилотской кабине. Мощный взрыв потряс окрестность. Семнадцатая победа Дмитрия Колораша стала последней. Родина-мать обессмертила ниц летчика с львиным сердцем.

31 декабря 1942 года второй авиакорпус в полном составе перебазировался на аэродромы Волховского фронта, чтобы защищать от налетов гитлеровских стервятников Ленинград.

Летчики 215-й дивизии в ожесточенных воздушных боях и штурмах наземных целей наносили противнику большие потери. Они прикрыли с воздуха подготовку к наступлению по прорыву блокады великого города на Неве.

12 января 1943 года части Ленинградского и Волховского фронтов пошли на штурм мощной полосы укреплений немцев. Авиация надежно прикрыла с неба этот прорыв. Летчики 215-й авиадивизии за неделю боев 70 раз поднимались в небо, сбили 48 истребителей и 9 бомбардировщиков врага. Потери дивизии были незначительными.

Генерал Кравченко пользовался большим уважением и любовью в дивизии. Его знали в лицо летчики и техники, инженеры и оружейники, те, кто обслуживал боевую работу. Всегда и во всем интересы Родины он ставил превыше всего.

22 февраля вышел Указ о награждении Г. П. Кравченко за умелое руководство войсками орденом Отечественной войны II степени.

Накануне дня Советской Армии, 22 февраля 1943 года, генерал предупредил все части дивизии, что надо быть бдительными, враг может попытаться сорвать праздник. Эти предупреждения были связаны и с тем, что самого командира вызывали в Ленинград на совещание.

23 февраля он вылетел на совещание в сопровождении трех истребителей. Летели над Синявинскими высотами, когда заметили воздушный бой, который вела небольшая группа советских истребителей с превосходящим числом самолетов противника.

Кравченко бросился на выручку своим, сбил один самолет, но и его истребитель загорелся от огня противника. Чтобы не упасть на территорию, занятую врагом, он повел горящий ЛА-5 в сторону своих аэродромов и, когда перелетел линию фронта, выбросился с парашютом.

Григорий Пантелеевич не раз прыгал с парашютом, и он никогда не подводил летчика. Но на этот раз парашют не раскрылся.

Тело генерала нашли в 3 километрах от передовой работниками медсанбата. Это было восточнее линии Синявино — Мга.

Братья Григория Пантелеевича, Федор и Иван были на аэродроме. Иван, используя отпуск после ранения, приехал в гости к брату, а Федор служил в дивизии шофером.

После звонка из медсанбата они сразу выехали к месту гибели Героя.

Иван как летчик обнаружил: парашют не раскрылся потому, что вытяжной тросик, раскрывающий его, был перебит, в правой руке Григория осталось кольцо с обрывком тросика. Парашютный ранец не был поврежден.

На войне бывает всякое. Возможно, тросик был перебит осколком снаряда. При медицинском обследовании выяснилось, что Григорий Пантелеевич не был ранен. Он провел за свою жизнь десятки воздушных боев, но никогда не имел ранений.

Тело Г. П. Кравченко было доставлено в Москву на самолете, Федор и Иван также прибыли туда. Срочно, были вызваны с фронтов Федор-младший и Ольга, из Кургана — отец и мать.

По решению правительства тело генерал-лейтенанта Кравченко было предано кремации.

На траурном митинге с речами выступили секретарь Московского городского комитета партии Павлюков, генерал-майор авиации Иванов, заместитель командира 215-й истребительной авиадивизии полковник Лобан. Из друзей-земляков на похоронах были А. Ф. Иноземцев и Г. А. Крылов. Полковник Лобан снял с катафалка урну с прахом Героя и установил ее в нишу Кремлевской стены. Прогремел залп.

У Кремлевской стены люди склоняют головы перед черными мраморными плитами. На одной из них золотыми буквами высечено:

В Серебряном бору, во дворе той самой дачи, откуда Григорий Кравченко уходил на четвертую для него войну, каждую осень пламенеет разросшаяся рябина, посаженная его руками после Халхин-Гола.

Каждое утро к центру села Звериноголовское спешат дети. Они идут в школу имени дважды Героя Советского Союза Григория Кравченко. Им есть у кого учиться и радости жизни, и

мужеству в ней.

* * *

Славный сокол и после гибели был страшен врагу. «Отомстим за Кравченко» — было написано на многих истребителях 215-й авиационной дивизии. Его опыт, мастерство и тактику использовали в боях сотни советских летчиков, нанося врагу удар за ударом.

Приказом Министра Обороны СССР генерал-лейтенант Г. П. Кравченко занесен навечно в списки третьей эскадрильи истребительного авиационного полка.

В селе Голубовка в память о дважды Герое воздвигнут постамент с бронзовым бюстом Г. П. Кравченко.

В Москве и Кургане, во многих селах именем Григория Кравченко названы улицы. Это дорогое и славное имя носят школы, пионерские дружины и отряды.

Жизнь Г. П. Кравченко — яркий пример беззаветного служения Родине.

Основные даты жизни и деятельности Г. П. Кравченко

1912 г. 10 октября родился Григорий Пантелеевич Кравченко в селе Голубовка Новомосковского района, Днепропетровской области.

1914 г. Весной переехал с родителями в село Пахомовка Качирского района, Павлодарской области.

1923 г. В мае переехал в село Звериноголовское Притобольного района Курганской области.

1923—1927 гг. Учился в начальной школе, окончил 4 класса.

1925 г. В мае принят в пионеры.

1927—1930 гг. Учился в школе крестьянской (колхозной) молодежи. Окончил 20 июня 1930 года.

1928 г. В январе принят в члены ВЛКСМ.

1929 г. В декабре избран членом райкома ВЛКСМ.

1930 г. Осенью принят в кандидаты партии.

1930—1931 гг. Студент Пермского землеустроительного техникума, затем Московского землеустроительного техникума.

1931 г. В мае был призван по спецнабору ЦК ВКП(б) в первую военную школу пилотов им. Мясникова в Качи (Крым) на годичный срок обучения.

В июле принят в члены ВКП(б) политотделом морских сил Черного моря (п/б 0250931).

1932 г. В июле окончил I ВШП и в звании младшего летчика назначен инструктором-летчиком в I ВШП.

1933 г. В мае переведен на службу в особую авиабригаду. В авиабригаде назначен командиром звена.

1934 г. В июле переведен на службу в отдельную истребительную авиаэскадрилью особого назначения командиром звена.

1936 г. Получил воинское звание лейтенант, назначен командиром отряда.

25 мая постановлением ЦИК СССР награжден орденом «Знак Почета». Получил воинское звание старший лейтенант.

1938 г. В марте выехал в качестве летчика-добровольца в Китай на защиту китайского народа. В Китае последовательно командовал звеном, отрядом, и в конце пребывания — эскадрилей.

В конце сентября вернулся на Родину. Назначен летчиком-испытателем в научно-исследовательский институт ВВС КА. Присвоено звание майор.

14 ноября награжден орденом Красного Знамени.

1939 г. 22 февраля присвоено звание Героя Советского Союза.

Орден Ленина получил 7 марта.

29 мая вылетел в Монгольскую Народную Республику для участия в отражении японской агрессии.

23 июня назначен командиром 22-го истребительного авиационного полка. 10 августа Президиумом Малого Хурала награжден монгольским орденом Боевого Красного Знамени, который был вручен маршалом Хорлогийном Чойбалсаном 15 августа.

29 августа вторично удостоен звания Героя Советского Союза за образцовое выполнение боевых заданий и выдающийся героизм. 9 сентября прибыл с Халхин-Гола в Москву.

15 сентября отбыл советником в авиадивизию в Киевский военный округ для участия в операции по освобождению западных областей Украины.

2 октября назначен начальником отдела истребительной авиации. Управления боевой подготовки ВВС Красной Армии.

10—12 октября с родными был в селе Голубовка, где закладывался фундамент под бронзовый бюст дважды Героя.

4 ноября получил в Кремле от М. И. Калинина две медали «Золотая Звезда».

7 ноября возглавил на воздушном параде одну из двух пятерок скоростных самолетов.

17 ноября зарегистрирован кандидатом в депутаты Московского областного Совета депутатов трудящихся.

Избран депутатом 24 декабря.

17 ноября вышел Указ о награждении 22-го истребительного авиационного полка, которым Кравченко командовал на Халхин-Голе, орденом Красного Знамени.

С первых чисел декабря командует особой авиагруппой, которая принимает участие в боевых операциях на финском фронте. В декабре присвоено воинское звание полковник.

1940 г. 19 января награжден орденом Красного Знамени, в феврале присвоено воинское звание комбриг.

В апреле присвоено воинское звание комдив.

5 июня постановлением Совета Народных Комиссаров присвоено звание генерал-лейтенант авиации.

19 июля назначен командующим ВВС Прибалтийского особого военного округа.

С 23 ноября слушатель курсов усовершенствования высшего начальствующего состава при академии Генерального штаба.

1941 г. 20 июня заканчивает КУВНС при академии Генштаба

и зачислен слушателем академии Генштаба.

С 22 июня по 22 ноября командир 11-й смешанной авиационной дивизии на Западном фронте и с 19 августа — на Брянском фронте.

1941—1942 гг. С 22 ноября по март 1942 года командующий ВВС 3-й армии Брянского фронта.

1942 г. С марта по май командующий Ударной группой № 8 Ставки Верховного Главнокомандования.

20 мая зачислен в распоряжение командующего Главного Управления ВВС Красной Армии.

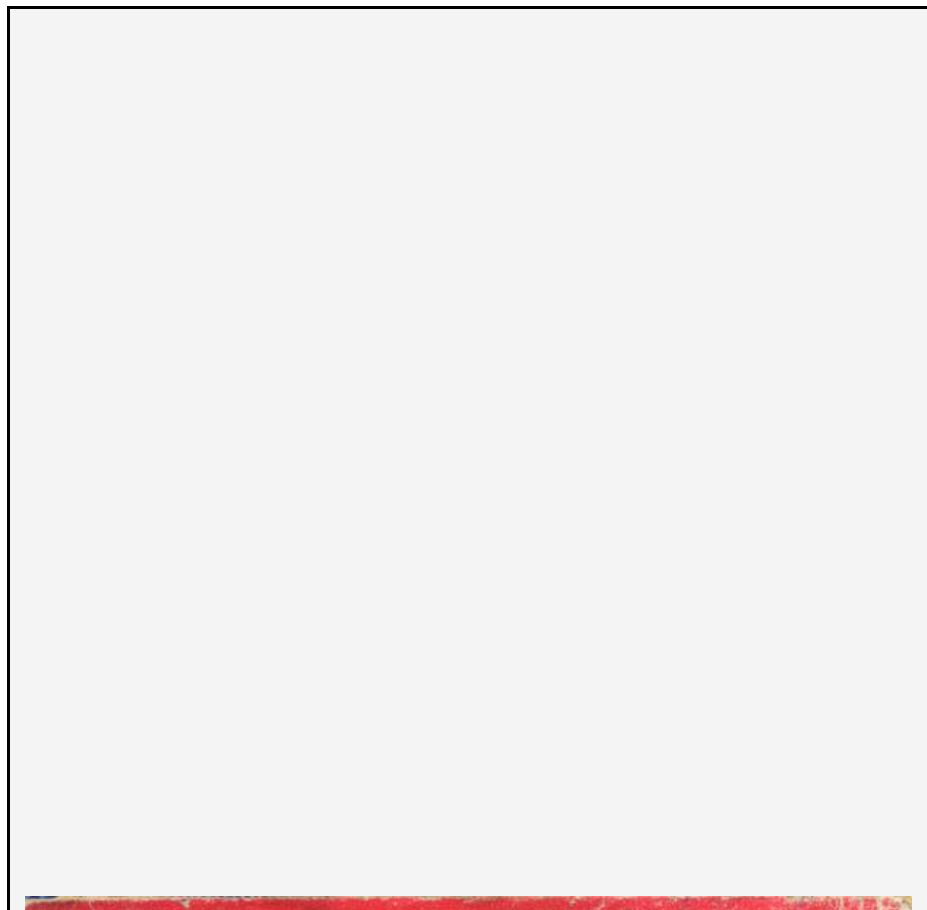
С 24 августа по 23 февраля 1943 г. командир 215-й истребительной авиадивизии.

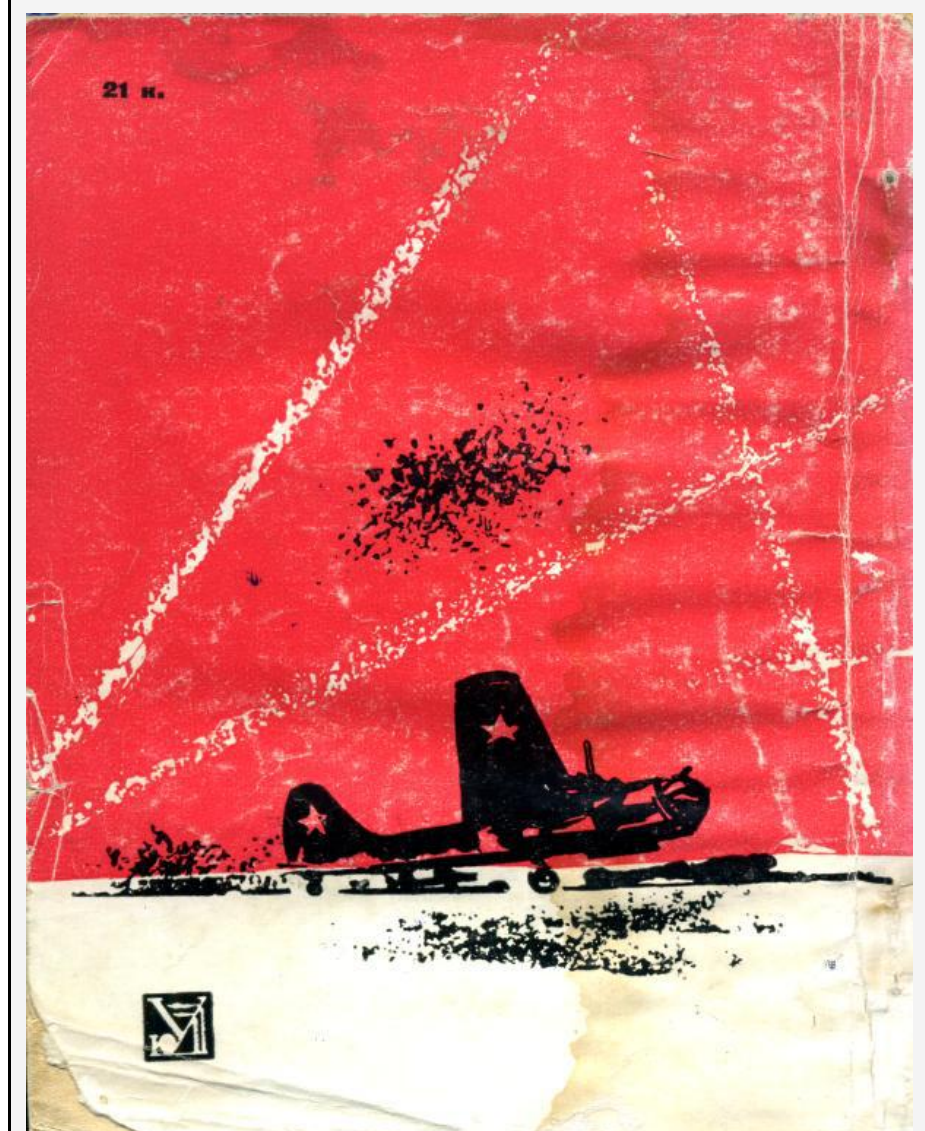
1 ноября 215-я авиадивизия в составе 2-го истребительного авиакорпуса сражалась на Калининском фронте.

1943 г. С 1 января 1943 г. — на Волховском фронте.

22 февраля награжден орденом Отечественной войны II степени.

23 февраля Г. П. Кравченко погиб в бою.

notes

Примечания

Ф. Шинкаренко. Небо родное. Калининградское кн. изд., 1965, с. 7—15.

М. Гольшев. Служение Родине. — В кн.: Советские летчики в боях за Родину. 1958, с. 70.

С. Белолипецкий. В сражающемся Китае, с. 259.

Газета «Правда», 1 июня, 1939 г.

М. Новиков. Победа на Халхин-Голе. Изд. политической литературы, 1971, с. 32.

Встреча с Героями Советского Союза. — «Самолет», 1940,
№ 22.

Б. Смирнов. Из Мадрида в Монголию. — «Знамя», 1969, № 8, с. 128—129.

Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. 1. М., АПН, 1974, с. 166—167.

Б. Смирнов. Из Мадрида на Халхин-Гол. — «Знамя», 1969, № 8.

Б. Смирнов. Из Мадрида на Халхин-Гол. — «Знамя», 1969, № 8.

Золотые звезды курганцев. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1975, с. 15—16.

А. Ворожейкин. Истребители. Воениздат, 1961.

А. Ворожейкин. Истребители. Воениздат, 1961.

А. Ворожейкин. Истребители. Воениздат, 1961.

Газета «Звезда», 1939, 24 ноября.

Алексей Абрамов. У Кремлевской стены. Госполитиздат, 1974, с. 206.

С. Рубен. Нерушимая дружба. — «Красная Звезда», 1940, 15 февраля.

В. Емельяненко. В военном воздухе суровом. М., «Молодая гвардия», 1972, с. 63.

В. Емельяненко. В военном воздухе суровом, с. 78—81.

П. М. Стефановский. Триста неизвестных. Воениздат, 1973.

Г. Ястребов. Орлу подобный. — В кн.: Люди бессмертного подвига. 1965, с. 432.